

Татьяна Мегрелишвили — доктор филологических наук, профессор, специалист по истории русской литературы. Автор более 170 научных трудов (из них 4 монографии), опубликованных в Грузии, России, Испании, Болгарии, Польше, Англии, Турции, Азербайджане, Канаде, Германии и т.д. Персональный член ряда международных научных организаций филологов.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) — грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза — Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира — как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» — всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни — литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых — ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

**Татьяна
Мегрелишвили**

*«...я своротил на прямую
Тифлисскую дорогу...»*

Александр Пушкин

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ТАТЬЯНА МЕГРЕЛИШВИЛИ

**«...Я СВОРОТИЛ НА ПРЯМУЮ
ТИФЛИССКУЮ ДОРОГУ...»**

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

**К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА**

Тбилиси
2017

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресны заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

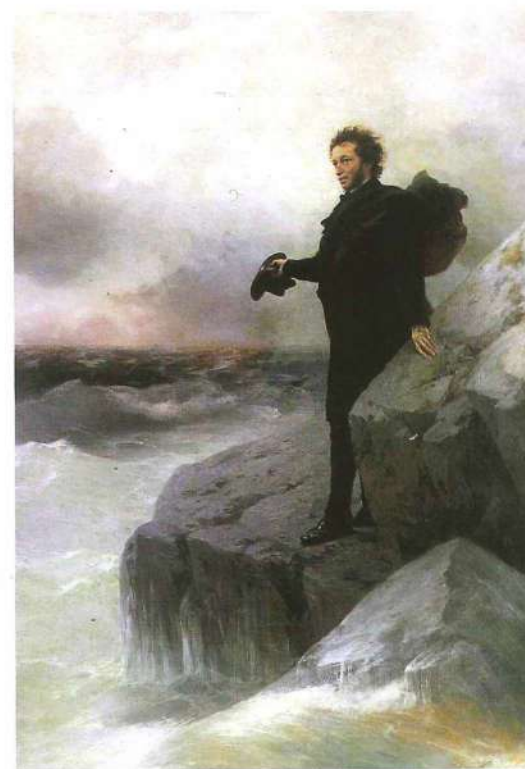
© Русский клуб. 2017

ISBN 978-9941-0-8812-4

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»

Роль и место Александра Сергеевича Пушкина в мировой литературе и в русской культуре уникальна. Литературоведы и в особенности пушкинисты привыкли называть Пушкина «родоначальником» новой русской литературы. Так смотрели на него уже русские писатели и критики XIX века – М.Лермонтов, Н.Гоголь, И.Тургенев, В.Белинский, А.Некрасов, Ф.Достоевский, а в XX веке – А.Блок, В.Ходасевич, О.Мандельштам, А.Ахматова. И эта формулировка скорее образная: смысл русского слова родоначальник восходит к понятию начала и отождествляется по смыслу со словом зачинатель. Так появляется возможность некоторого упрощения в понимании значимости Пушкина. Значение слова «родоначальник» в русском языке по смыслу сопрягается со словом «зачинатель», а образовано путем слияния двух основ – «род» и «начало». Как справедливо отметил один из исследователей творчества А.Пушкина В.Непомнящий, «обычно отношения

И.К. Айвазовский. Пушкин на берегу Черного моря. 1887 г.

А.С. Пушкин. Автопортрет. 1817

зачинателя и преемников рассматриваются, так сказать, в прямой перспективе: преемники учатся у зачинателя, усиливают его лучшие достижения и черты, продолжают начатый им путь^[1]. В случае с Пушкиным все обстоит намного сложнее.

Темы, которые станут «сквозными» для всей русской литературы XIX–XX столетия. Мотивы, разработку которых продолжают вершинные творцы русской словесности, не говоря уж об авторах менее известных. Реформа русского литературного языка. Доведение до совершенства русского ямбического стиха. Разработка многих до Пушкина не слишком распространенных в русской литературе жанров. Все

это, казалось бы, свидетельствует: да, родоначальник. И говоря так о Пушкине, можно не сомневаться в том, что подобное утверждение не вызовет разногласий.

Между тем основной пафос творчества Пушкина существенно отличается от пафоса его преемников. И то же самое можно сказать, сопоставляя Пушкина с его западными предшественниками и современниками. Когда мы обращаемся мыслью к творческому наследию тех, кто волею историко-культурной хронологии шел тропами Пушкина и вписывал в историю русской литературы свое имя, ровня свое творчество «по Пушкину», то мы невольно наблюдаем интересную картину. Титанизм Лермонтова. Философичность Тютчева. «Диалектика души» Л.Толстого. Психологизм Достоевского и Чехова. Гротеск Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В каждом из этих случаев, с учетом всех упрощений, нам есть за что ухватиться. А в творческом наследии Пушкина нет ничего, что может быть названо однозначно центральным, наиболее выпуклым, как любил выражаться В.Белинский, особым элементом.

Этот особый элемент — специфика пушкинского творчества — настолько многообразен, тонок и неуловим, что его невозможно передать, а разве только ощутить духовным взором. И при этом у каждого он будет свой. Возможно, он в удивительной пушкинской гармонии, простоте, объективности. Но разве в таких понятиях определяется литературоведческая квинтэс-

сенция творчества того или иного автора? И разве эти определения не применимы и к другим представителям русской и мировой литературы? Невольно приходит на ум фраза «Мысль изреченная есть ложь», потому что от частого употребления те или иные эпитеты стираются, слова «изреченные» становятся неадекватны первоначальному смыслу.

Один из ярчайших и глубоких исследователей творческого наследия Пушкина, литературовед Г.М.Фридлендер возражал тем исследователям, которые полагали возможным поставить знак равенства между мироощущением Пушкина и человеком эпохи Возрождения. Размышляя над местом Пушкина в мировой литературе, он справедливо отметил, что Пушкин не был универсальным гением, который, подобно Леонардо да Винчи, совмещал в себе ученого и художника. Читатель не найдет в творческом наследии русского поэта гротескных, гиперболически заостренных образов, какими обогатили мировую литературу Франсуа Рабле или Сервантес. Часто Пушкина сравнивают с Рафаэлем и Моцартом. Но и эти сопоставления скорее метафоричны: Пушкин чужд идеальности Рафаэля, равно как и той беззаботной и жизнерадостной стихии игры, свойственной музыке Моцарта, которая связывает творчество этого композитора с эпохой Рокко в искусстве конца XVIII века. И точно так же наследие Пушкина, хотя и имеет точки соприкосновения с творчеством его современников — Байрона, Вальте-

ра Скотта, Гюго, Мандзони, Бальзака, Стендаля, Мериме, — все же во многом отлично от них типологически. Хотя Руссо, Байрон, Жермена де Сталь, Вальтер Скотт и имели на него влияние.

Из числа современников Пушкина поэзия его, быть может, более всего родственна поэзии Гете, но не Гете — представителя «Sturm und Drang» («Буря и натиск»), и не Гете — министра или автора естественнонаучных трудов, а Гете — лирика, творца «Свидания и разлуки», «Перемены», «Прометея» и других шедевров^[2].

В самом деле, столько различий... Но зато у Пушкина есть «стихотворения лермонтовские и некрасовские, есть гоголевские сюжеты и тютчевская космичность, есть чеховская деталь, прутковский юмор и блоковские строки. Создается впечатление, что тут имеет место не прямая, а обратная перспектива: не русская классика XIX века смотрит на Пушкина, а Пушкин смотрит в нее, не она отражает его, а он как бы является ее зеркалом — зеркалом, обращенным в будущее»^[3]. Верно подмечено.

Однажды Анна Ахматова сказала: «Я считаю, что Пушкин — поэт, какому равного нет во всей мировой литературе. Он — единственный...» Слова Ахматовой отражают зоркое

1 Непомнящий В. Поэзия и судьба — М.: «Советский писатель», 1983. — С. 288

2 Фридлендер Г.М. Пушкин. Достоевский. Чехов. — СПб, «Наука», 1995, с.5–6.

3 Непомнящий В. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. — М.: Советский писатель. 1983, с. 289

чутье, которым любой, принадлежащий к русскому миру, угадывает в Пушкине абсолютно своего, безоговорочно первого – единственного. Чувство это обнаруживается и сегодня при простом вопросе к любому – подчеркнем, к любому, кто прошел дорогами Пушкина: кто главный поэт в русской литературе? Ответ демонстрирует удивительное единодушие – Пушкин. И чувство это никем не внушено извне: людям просто все равно, «в почете ли Пушкин или нет», как это точно выразил Б.Пастернак, потому что в любые времена подлинное величие, связанное со стремлением к истине, добру и красоте, – любят. А в Пушкине все это слилось, соединилось неразрывно. И вот это феноменальное отношение к Пушкину и есть знак его исключительности среди мировых гениев.

«ЧЕМУ, ЧЕМУ СВИДЕТЕЛИ МЫ БЫЛИ...»

Так сложилось, что в родословной будущего поэта переплелось несколько ветвей, корнями уходящих в глубины русской истории. Среди предков поэта участники важнейших событий в государственной жизни России. В набросках своей

Э. Делакруа. Свобода на баррикадах. 1830

автобиографии, в трагедии «Борис Годунов», в романе об арапе Петра Великого, в стихотворении «Моя родословная», в статьях и письмах Пушкин часто вспоминает о них, замечая: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Сама же пушкинская эпоха была ключевой для целого века русской истории. Не только основной тон пушкинской поэзии, но и ее масштаб были определены событиями мировой истории со всей совокупностью их исторических следствий.

Заключительное десятилетие XVIII столетия ознаменовалось в мировой истории крушением абсолютизма: Великая французская революция (1789-1794) похоронила старую феодальную мораль, показав всему миру, что голова монарха может быть отрублена точно так же, как и голова любого из его подданных. Казнь Людовика XVI дала

возможность французской нации провозгласить Человека, без различия сословий, как единственную, непреходящую ценность. Общество впервые осмыслило ценность индивидуальности, самореализации. Демократичный лозунг «Свобода, равенство, братство» опьянял, казалось, вот-вот мог стать реальностью, и счастье чудилось близким и возможным. В культуре процесс демократизации отразился особым типом эстетико-философского учения, которое и породило направление в мировой литературе – романтизм.

Мысль романтика постоянно движется между двумя полюсами – свобода (носителем которой выступает личность, противопоставившая себя несвободе мира, способная отпасть, стать выше мира) и предопределение (эту черту воплощает мир с его стихийными законами необходимости). Историческое внимание романтиков приковывается то к одному, то ко второму из этих полюсов. Творцы романтической литературы обращались в своих произведениях к изображению личности исключительной, одержимой «высокими» страстями, сознанию, пропитанному трагическими разломами между неприятием реальности и высокими идеалами, достижение которых казалось невозможным в земной жизни. Подобная позиция неприятия мироздания неизбежно приводила героя подобного типа к гибели. Таковы персонажи романтических поэм Дж.Байрона Манфред и Каин, Дон Жуан и Чайльд Гарольд. Романтики с доступной им значительной глуби-

Т. Филиппс. Портрет Д. Байрона. Около 1835 г.

ной осознали факт несвободы человека, его фатальной и часто трагической зависимости от неких внешних сил – художественное осознание универсального космического закона необходимости.

В момент крушения «старых скрижалей» ценностей человечеству особенно нужны ориентиры, личности, не знающие сомнений, целеустремленные и волевые, с которыми растерянная масса связывает надежды на некий взлет нации, оправдывая идеей грядущего национального величия собственные жертвы и порой погубленные судьбы. Объективная оценка деяний этих личностей отсутствует – существует

Э. Филиппотто. Наполеон в 1792 году. 1834

только субъективная, в которой эти личности гипертрофировались, утратили многие из реальных черт, а молодое сознание заменяло их идеальными чертами – мифологизировало. Такой личностью на рубеже XVIII–XIX вв. стал Наполеон Бонапарт. Пораженные превосходящими игрой воображения деяниями Наполеона, европейские романтики создают и пропагандируют наполеоновский миф. В величии и падении Наполеона видится некий провиденциальный смысл, великое историческое предназначение. Судьба Наполеона связывается с судьбами мира. В судьбе Наполеона осуществляется не одна из характерных для романтического сознания идей.

Ну а что же Пушкин? Пушкин высмеивал и осуждал тех, кто пишет «по всем правилам парнасского православия». Он утверждал, что

романтическая школа «есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства»^[4]. Пушкин рассматривал романтизм как подлинную революцию в области формы. В одном из писем к П.А. Катенину он говорил о «перевороте» в словесности, который суждено произвести романтикам^[5].

Взгляды Пушкина на историю романтизма определялись его теоретико-литературной позицией, которая во многом сопрягалась с пониманием романтизма как начала процесса формирования всемирной литературы. Само понятие «всемирная литература» (Die Weltliteratur) было введено Гете и подробно представлено в «Разговорах с Гете в последние годы его жизни. 1823–32» И.П.Эккермана. Исходя из схожего с Гете понимания романтизма, Пушкин причислял к сонму романтиков тех авторов прошлого, чьи творения своим новаторством и яркостью изображенных характеров были родственны бурному потоку романтизма – Данте, Шекспир, Сервантес, Лопе де Вега и многих других. Пушкин считал самой привлекательной чертой поэта-романтика художественную смелость разрыва с общепринятыми нормами. Для Пушкина романтический герой не ограничивался образом разочарованного молодого современника, подражавшего или в действительности

4 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.-Л., 1937г., т. XIII, с. 102.

5 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.-Л., 1937г., т. XIII, с. 225.

переживавшего сложный комплекс умонастроений, которые подробно воспроизведены в произведениях Байрона. Напротив, именно чувства уныния и разочарованности, отмеченные как характерный компонент модного в 1820–1830-е годы байронизма, вызывали у Пушкина ироническую усмешку:

*Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут нimalo
Не вижу я ...)*

Пушкинский романтический герой скорее антипод байронического персонажа – носитель бурных страстей, попадающий в необыкновенные ситуации, не приемлющий обыденности. И тут опять на ум приходит аналогия с немецким романтизмом с его неприятием филистера, устремленностью к высокому, яркой энергетикой активного действия. Таким образом, все необычное, включено, по Пушкину, в сферу романтического творчества. Но Пушкин всегда стремился изображать своего современника, и именно в «равнодушии к жизни, к ее наслаждениям», в «преждевременной старости души» он видел «отличительные черты» «молодежи XIX века»^[6]. Эти черты «героя века» нашли свое воплощение в «южных поэмах», в «Евгении Онегине». Сложность и противоречивость современников стала не просто объектом изобра-

6 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.-Л., 1937г., т. XIII, с. 55.

жения в произведении. Само понятие «литература» до Пушкина как бы заведомо предполагало господство авторского вымысла, отсутствие связей с реальностью. И вдруг пушкинское изображение типического в образе современника. Нет, это еще не реализм в полном смысле слова, но это стремление приблизить литературу к правде жизни, изображать и тех, кого читатель мог бы узнать и о чем сам он думает.

Интерес к русской истории всегда был характерен для Пушкина. Ход событий общественной жизни был предметом постоянных размышлений поэта. И выводы, которые на различных этапах своего творческого пути делал Пушкин, определяли теоретическую и художественную концепцию историзма, которая нашла непосредственное отражение в его творчестве. В рамках этой концепции поэту было интересно не только прошлое России (тема Петра I в его творчестве, претерпевшая сложную эволюцию по мере взросления самого автора, тема Пугачева и пугачевщины), но и события современности. Так, в его творчестве, казалось бы, сокровенное, лирическое сложным образом переплетается с историческим; тема дружбы пропитана отголосками общественных настроений, носителями которых были друзья Пушкина; кавказская тематика причудливым образом сопрягается с осмыслением миссии и политики России в новых краях. И это не случайно: Пушкину довелось жить и творить в эпоху, когда личная судьба человека была самым тесным

Т. Лоуренс. Портрет Александра I

образом связана с историческими событиями — судьбами государств и народов. Уже после гибели Пушкина его современник А.И.Герцен определит это состояние в своих мемуарах «Былое и думы» — «отражение истории в человеке, случайно встретившемся на ее пути». И Пушкин по-своему стал участником истории, несмотря на сложные сюжеты, которые разыгрывались на подмостках российской исторической сцены. А сюжеты были судьбоносные.

В то время, когда Европа брала Бастилию, русская самодержавная императрица Екатерина II еще благополучно доживала свой пышный век. А между тем на рубеже двух столетий в Российской империи сложилась общественно-политическая ситуация, во многом сходная с положением дел в ряде стран Европы. XIX век в России начался с убийства в первых числах марта 1801 г. императора Павла I. Вступление на пре-

стол его сына Александра I можно считать частью того процесса революционности, который задала Франция и от которого на весь XIX век ложится особый отпечаток.

«Дней Александровых прекрасное начало» отмечено либерализацией российской жизни. В острых гражданских спорах, дебатах о современном состоянии российской действительности, а также о путях ее дальнейшего развития закладывались основы будущих отношений между личностью и государством, которые на протяжении всего XIX века будут определять лицо русского общественного сознания. И лицо это будет носить отпечаток романтического пафоса. Подобные перемены сопровождались ростом индивидуального сознания, и личность императора французов Наполеона вызывала у многих стремление к подвигу, служению в самом высоком понимании этого слова. Культ

Н. Уткин. Портрет графа А. Аракчеева

гражданской доблести, распространившийся в среде молодых дворян, был направлен на модернизацию страны, и император Александр создал комиссию по подготовке либеральных реформ в стране. Одновременно власть осознавала всю серьезность европейских событий, опасаясь переноса в Россию революционных идей и революционного процесса. Александр, читая о реформах, предлагаемых комиссией, одновременно стремился сохранить основные структуры государственной самодержавной формы власти, а его личный друг и фаворит А.Аракчеев проводил в стране консервативную политику, вызывавшую ненависть лучших умов эпохи.

Эти двойственные действия Александра были прерваны внезапно: 22 июня 1812 г. Наполеон обратился к французским войскам с воззванием, в котором, обвинив Россию в нарушении Тильзитского мира, фактически объявил ей войну⁷. 24 июня войска Франции перешли границу Российской империи: император французов напал на Россию.

Отечественная война была выиграна, но итоги ее выходили далеко за рамки политической или военной победы: побывавшие в заграничном походе русской армии офицеры впервые массово увидели европейскую жизнь, и «дум высокое стремление» еще более загорелось желанием посвятить Отчизне «души

прекрасные порывы».

После победы над Наполеоном «дух свободы повеял на самодержавную Россию» (М.Фонвизин) и в обществе царило свободомыслие. Возникли тайные организации, члены которых стремились изменить существующий строй империи. 14 декабря 1825 года, в день присяги на верность новому императору Николаю I, сменившему на троне умершего брата Александра, на Сенатскую площадь вышли войска столичного гарнизона с отказом присягать новому императору. Их вывели офицеры — члены тайного «Северного общества». Весь день взбунтовавшееся каре стояло в центре столицы, пока Николай I не приказал артиллерии открыть огонь по восставшим. А вечером начались аресты. Масштабы заговора были огромны. Были вовлечены представители высшей аристократии России. Следствие выявило тысячи причастных к заговору людей. В итоге декабристы были осуждены, пятеро наиболее видных идеологов и руководителей восстания было казнено во дворе Алексеевского рава. Велика Петропавловской крепости Петербурга, десятки представителей высшей аристократии осуждены на каторгу и сотни офицеров разжалованы в рядовые и отправлены на Кавказ, где шла война.

Высоким чаяниям не суждено было сбыться и в Европе. В период после наполеоновских войн и фактической реставрации монархии разочарование в европейском обществе приняло универсальный характер.

7 Brégeon, Jean-Joël. 1812 : La paix et la guerre. — Paris: Perrin, 2012. — 426 p.

К. Кольман. Восстание декабристов на Сенатской площади

В умах воцарились настроения безнадежности, уныния («болезнь века», характерная для героев произведений французских романтиков Р.Шатобриана, А. де Мюссе, А.Ламартина, А.Виньи, английского романтизма Дж.Байрона, итальянского романтизма Дж.Леопарди, позднего немецкого романтизма Г.Гейне и др.). Возможности социального совершенствования казались утраченными навсегда; мир предстал «лежащим во зле».

Если в постнаполеоновской Европе политические процессы проходили под знаменем различного рода промышленных изменений и выхода на авансцену истории нового социального типа — буржуа, то в постдекабрьской России политические интересы были сосредоточены на южном, кавказском направлении,

что выразилось в войнах с Турцией и Персией. Одновременно шла война с горцами, предводительствуемыми Шамилем, получившая название Кавказской войны. Участие в этих войнах диктовалось во многом стремлением реализовать военнополитические цели, которые были у Российской империи на Южном Кавказе. Но эти войны еще и помогали правительству не допускать системного кризиса внутри самой империи. Все те, кто мог, по мысли власти, дестабилизировать обстановку в империи, направлялись на войну. Так, в книге «Кавказ в истории России. Истоки интересов России на Кавказе» приводятся факты относительно мер, принимаемых правительством для сохранения спокойствия в стране. В частности, говорится, что, «по негласному распоряжению Николая

Дж. Доу. Портрет Николая I. 1828

I во время военных действия против Персии и Турции декабристов отправляли на самые опасные места. До тех пор, пока шла Кавказская война, практиковалась и ссылка на Кавказ, в действующую армию неояльных правительству лиц».

Император Николай I постарался истребить в стране даже память о попытках либеральных реформ, которые предпринимал его брат Александр. Глубокий консерватор по убеждениям, он превратил Российскую империю наполовину в казарму, наполовину в чиновничью канцелярию. Армия эпохи Николая I была строго организована: тотальное подчинение, тотальная организация не только службы, но и быта солдат и офицеров, постоянная муштра солдат, вечные маршировки, а гусары должны были демонстрировать ис-

кусство красивой конной выездки — это главное. На парадах в Петербурге полки выхаживали не хуже, чем танцоры в балете. Парад при императоре Николае I — тщательно продуманный ритуал, торжество прямых линий — один из символов политики стирания личности. Такую же тактику внедрили в чиновничьи структуры. Свободомыслие подавлялось. Ценилось чиновничество, строго регламентированные отношения — субординация. От подданных требовалось только одно — безоговорочное подчинение. Индивидуальность объявлялась опасным вольнодумством, вредным для государства.

Опорой режима Николая стала армия и чиновничество, а также созданное III Отделение Его Императорского Величества тайной канцелярии, филеры которого организовали в стране поголовную слежку за всеми подданными. Во главе

Дж. Доу. Портрет А.Х.Бенкендорфа.1822

этой структуры встал личный друг императора граф А.Х.Бенкендорф, сумевший превратить III Отделение в совершеннейший механизм тотального шпионажа. Всякое инакомыслие истреблялось в зародыше. В обществе царили умонастроения отчаяния, неверия в возможность изменения жизни. И Пушкину, несмотря на его «особые» отношения с императором, в полной мере пришлось испытать на себе эти перемены.

Пушкин не случайно сравнивал поэзию с эхом, откликавшимся на все события жизни. Нет такого предмета, по мысли Пушкина, на который бы поэзия не могла отозваться. Отклик истинной поэзии на живую жизнь должен быть верен – адекватен вызвавшему его явлению, соразмерен ему, должен сохранять его истинную меру. И, наконец, в отличие от других людей, поэт, как полагал Пушкин, магией своего искусства не только соединен с другими людьми, но и отделен от них. Поэтому при всем своем могуществе поэт не может временами не ощущать в душе чувства одиночества. Тем важнее становится разговор поэта с его музой, диктующей ему: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной/Иди туда, куда влечет тебя свободный ум...» И тогда рабочие тетради превращаются в своеобразный дневник, в котором Пушкин неизменно отмечал этапы работы над произведениями, вписывал пометы о событиях разного масштаба, в какой-то связи для него особенно важных: «18 июля 1821. Известие

о смерти Наполеона»; «После обеда во сне видел Кюхельбекера. 1 июля день счастливый»; «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля» (эта запись зашифрована). Таких «дневниковых» заметок в черновых пушкинских рукописях много, и можно представить, насколько все его творчество было наэлектризовано живым ощущением времени. За несколько месяцев до гибели поэт восклицал:

*Чему, чему свидетели мы были –
Игралища таинственной судьбы
Метались смущенные народы;
И высились, и падали цари,
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари...*

Формировалось новое лицо мира. Время проступало сквозь «тяжелозвонкое скаканье» Медного всадника «по потрясенной мостовой».

Известный исследователь С.А.Фомичев определил главную тему пушкинского творчества, как «воспоминание»^[8]. Да, пожалуй, воспоминание: «Воспоминание в Царском Селе», «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» – но не только. Его творчество – своеобразный «дневник», в котором автор, подобно множеству своих современников, запечатлел

8 Фомичев С.А. Праздник жизни. Этюды о Пушкине. – СПб, «Наука», 1995, с.5.

время – эпоху, в которой культура дневниковых записей выполняла ту же функцию, какую сегодня играет живой журнал (LiveJournal) или блог в Интернете с той только разницей, что Пушкин, памятуя об особенностях духовной атмосферы в стране, вынужден был часто шифровать свои записи. А еще этот «дневник» – его творчество – запечатлел события жизни самого автора, такой короткой и бесконечной одновременно. Едва раздвинулись стены лица и мир предстал перед ним, полный тревог и надежд, как выросли новые препятствия – высылка на Юг империи. Еще одна ссылка в собственное крошечное имение под Псковом. Несколько лет столичного коловращения и выстрел на Черной речке, пуля которого все еще летит, пронзая наши сердца. И путешествия, в том числе на Кавказ.

«...ПОЕДУ... В ЧУЖИЕ КРАЯ, ...ВЕРОЯТНЕЕ, В ГРУЗИЮ»

Определяя значение Грузии для русской поэзии, поэт Н.Тихонов заметил: «Есть страны, полное особого значения для других стран... Они оказывают свое влияние на худож-

М. Зацепин. Теймураз Багратиони. Миниатюра. 1813

ников, писателей, ученых... Одна из таких стран в Европе, стран, которые для европейского сознания являются полными особого смысла, по-моему, – Италия. Европейские поэты-классики все побывали в ней, все отдали ей особый дар своего сердца. Для русских поэтов, нашей Италией, несомненно, стала Грузия»^[9].

Пушкин мечтал попасть на Кавказ с детских лет. Кто в те годы в России не слышал в детстве сказку о

9 Удивительный факт: описывая блокадный Ленинград, Тихонов изображает не только подвиги ленинградцев, сам Ленинград в его суровом величии, но при этом подчеркнуто сравнивает город с горами Кавказа: «Снежные карнизы висят, как на леднике, и город походить стал на горный хребет – весь завален снегом, дома темные, как скалы, и все как осветится взрывом, вспыхнут пожары. И видишь, где что горит».

Бове-королевиче и его женитьбе на дочери грузинского царя Зензевия? Эта переводная сказка с «бродячим» сюжетом в XVIII веке приобрела характер русской народной сказки. Позднее, в лицейский период, Пушкин познакомился и сблизился с грузинами, проживавшими в Петербурге, общение с которыми способствовало первичному знакомству поэта с Грузией, получению сведений о ней, скорее всего, описанной красноречиво и с ностальгической ноткой. И здесь в первую очередь следует назвать имя Теймураза Багратиони, выдающегося деятеля грузинской культуры.

Царевич Теймураз Багратиони, сын последнего грузинского царя Георгия XII, был выдающимся ученым и поэтом. Собиравший и исследователь памятников древнегрузинской литературы, он изучал древние, в том числе античные источники, в которых были сведения о Грузии. Эти исследования явились основой созданных им работ по древнегрузинской истории и картвелологии, которые он публиковал в журнале «Journal Asiatique», издававшемся в Париже обществом «Société Asiatique», в котором царевич состоял. Один из первых комментаторов поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Царевич Теймураз писал стихи, а также занимался переводами европейской художественной литературы на грузинский язык. В Петербурге его дом был средоточием «грузинского мира». В 1830 году он перевел на грузинский язык стихотворение Пушкина

«Ангел» («В дверях Эдема ангел нежный...»). В личных бумагах из архива Т.Багратиони, хранящемся ныне в Российской Академии наук, сохранились не только рукописи этих переводов, но и карандашный портрет, имеющий сходство с Пушкиным.

О Грузии Пушкину мог рассказывать и его соученик по лицей Дмитрий Алексеевич Эристов (Эристава) – внук О.Г.Эристава, выехавшего в 1724 г. в Россию вместе с царями Вахтангом VI и Бакаром Багратиони. После окончания лицея Д.А.Эристов какое-то время служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а затем на флоте, где занимал должность генерал-аудитора. Д.А.Эристов стал известным литератором и историком, автором многих статей о политическом, историческом и культурном прошлом Грузии. До самой гибели великого русского поэта Эристов и Пушкин сохраняли друг к другу истинно дружеское расположение и глубокое взаимное уважение.

В окружении Пушкина было много потомков тех представителей грузинской аристократии, которые в силу сложившихся в Грузии XVII-XVIII вв. политических событий переселились в Россию. Из этой среды вышло немало деятелей грузинской и русской культуры. Среди них поэт П.И.Шаликов (Шаликашвили); литератор Н.А.Цертелев (Церетели); Ф.И.Цицианов (Цицишвили), Д.Е.Цицианов – дед А.О.Россет (Смирновой); фрейлина

В.И.Туркестанова (Туркестанишвили) и другие.

Разумеется, интерес к Кавказу формировался у Пушкина и под влиянием тех знакомых и друзей из круга декабристов, которые по разным причинам оказались «за хребтом Кавказа»: А.С.Грибоедов, А.И.Якубович, В.К.Кюхельбекер, Н.Н.Раевский, В.Д.Вольховский и другие. Одновременно важнейшим источником сведений о Кавказе и Южном Кавказе для Пушкина были книги, хранившиеся в его библиотеке и содержавшие интереснейшие сведения об истории и жизни народов Северного и Южного Кавказа. Разумеется, Пушкин был хорошо знаком с произведениями Г.Державина, В.Жуковского, В.Кюхельбекера, посвященными Кавказу.

Интерес Пушкина к Кавказу отразился и в его творчестве: поэма «Кавказский пленник», не вошедшее в основной текст романа «Путешествие Онегина» – эти произведения косвенно подтверждают не только известную мысль о роли и значении Кавказа для русской романтической поэзии, но и свидетельствуют об интересе самого Пушкина к этому краю. Уже в 1820 году, путешествуя с семейством Раевских по Кавказу, Пушкин многое знал об этой земле.

Интерес к Кавказу и Южному Кавказу вновь актуализировался во второй половине 1820-х годов, в период войн России с Персией и Турцией.

Пушкин проявлял большую заинтересованность к событиям, раз-

вертывавшимся на театре военных действий, на Южном Кавказе. А события там развивались бурно. Войска Персии в середине июля 1826 года вторглись в Армению, которая в 1813 году вошла в состав Российской империи. Однако 3 сентября 1826 года русский военный отряд под командованием В.Мадатова разбил восемнадцатитысячный авангард персов, направлявшийся к Тифлису, а 13 сентября персам было нанесено поражение, после чего они обратились в бегство. Одновременно на севере Армении действовал отряд прославленного поэта-партизана, приятеля Пушкина Д.В.Давыдова, которому удалось вступить в пределы Эриванского ханства, изгнав вторгшихся персов. При этом вопрос о походе на Эривань был отложен до весны 1827 года. В 1828 году боевые действия продолжились. Русские войска под командованием графа генерала Паскевича направились в северную Армению, занимая города и беря штурмом крепости. 1 октября была взята крепость Эривань, и русские войска перешли границы Персии, продолжая захватывать все новые и новые города и населенные пункты. Это побудило шаха Ирана к заключению мирного договора с Россией. При этом ключевую роль в выработке условий Туркманчайского мирного договора сыграл А.С.Грибоедов. Иран отказался от претензий на Кавказ.

Вот на таком фоне еще в 1827 году Пушкин задумал путешествие на Кавказ, о чем и писал брату Льву.

В письме от 8 мая 1827 года, написанном в Москве, говорилось: «Что ты мне не пишешь и что не пишешь ко мне твой командир? Завтра еду в Петербург, увидится с дражайшими родителями сомне он dit и устроить свои денежные дела. Из Петербурга поеду или в чужие края, т.е. в Европу, или восвоюси, т.е. во Псков, но вероятнее, в Грузию — не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского. Письмо доставит тебе М.И.Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь. Кончилась ли у вас война? Видел ли ты Ермолова и каково вам после его?» Очень важно в письме, во-первых, то, что поэт в выборе места, куда он может поехать, отдает предпочтение Грузии («но вероятнее в Грузию»); во-вторых, его чрезвычайно прельщает встреча с Раевским; в-третьих, он живо интересуется войной на Кавказе.

Пушкин не просто любил путешествовать, в своих поездках он обретал необычный творческий импульс, «пространством и временем полный», как позднее определит состояние своего путешественника Одиссея О.Мандельштам. В 1828 году Пушкин просился у правительства в действующую армию, но в этом ему было отказано. О просьбе и причинах своего желания поехать на Кавказ Пушкин высказался еще несколько раз, в частности в письме к А.Х.Бенкендорфу. Ответ шефа жандармов был краток и очень выразителен: «Я докладывал госуда-

рю императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; Его Императорское Величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в армию, поелику все места заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной; но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества» (А.Х.Бенкендорф — А.С.Пушкину. 20 апреля 1828 г.).

Поэт это письмо получил. А вот о существовании другого письма, весьма показательного в истории взаимоотношений поэта и власти, Пушкин, скорее всего, не знал: Великий князь Константин Павлович пишет Бенкендорфу: «Неужели Вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский действительно руководствовались желанием служить Его Величеству как верные подданные, когда они просили дозволения следовать за главной императорской квартирой? Нет, не было ничего подобного: они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров».

Таким образом, на просьбу о разрешении поехать на театр боевых действий был получен отказ, выраженный достаточно холодно и безапелляционно — «все места заняты».

Однако сама поездка в итоге состоялась и явилась следствием совокупности причин, в числе которых личные занимают не последнее место. Как же сложились обстоятельства?

По воспоминаниям современников, Пушкин зимой 1828 года, будучи в Петербурге, «часто бывал мрачным, рассеянным и апатичным» (А.Керн). И это понятно. Отказ в поездке совпал с усиливавшейся тяжестью пребывания в Петербурге под «отеческой» опекой шефа жандармов Бенкендорфа. Интуитивно Пушкин чувствовал: над ним висела угроза непосредственной расправы, ссылки, заточения.

*Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен? —*

записал Пушкин в дневник Е.Н.Ушаковой. Ключевое слово тут «изнывая»: в русском языке слово изнывать означает томиться, страдать от чего-либо. Атмосфера несвободы, пристального внимания, обращенного на него властью, не сулила ничего хорошего. И тут дело было не только в императоре или Бенкендорфе: после событий декабря 1825 года в стране появилась целая армия добровольных доносчиков, которые забрасывали власти, разумеется, из верноподданнических побуждений,

многочисленными доносами. «Москва наполнилась шпионами. Все промотавшиеся купеческие сынки, вся бродячая дрянь, неспособная к трудам службы; весь сброд человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом»^[10]. Быть шпионом стало не только модно, но и финансово выгодно. И вот в 1829 году Пушкин стал жертвой сплетни. Его приятель А.Полторацкий распустил слух, что Пушкин стал шпионом.

Подобное торжество безнравственности еще более сгущало атмосферу в столицах и заставляло Пушкина стремиться вырваться: на фронт, в Европу — куда угодно. В начале 1829 года П.А.Вяземский «не узнавал прежнего Пушкина». Как отмечает один из крупнейших исследователей грузинских связей великого поэта профессор В.С.Шадури, «Пушкин чувствует себя одиноким без своих братьев, друзей, товарищей-декабристов»^[11]. Очень верно состояние Пушкина перед поездкой на Кавказ и в Грузию ощутил и понял Ю.М.Лотман: «Пушкин мечется, ему не сидится на месте. В 1828 году — ряд неудачных попыток уехать в длительное путешествие: просьбы разрешить ему поездку в действующую армию на Турецкий

10 Штейнберг А.А. Пушкин и Е.Л.Панова// Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968, с.50.

11 Шадури В.С. Пушкин и грузинская общественность, Тб. 1966, с. 230.

фронт, за границу — в Европу, в Азию — встречают отказы»^[12]. Внутреннее беспокойство не позволяет вкупе с недовольством собой усидеть на месте. И если в стихах Пушкин создает образ поэта-олимпийца, замечает Лотман, то в жизни он менее всего приближается к идеалу мудрого созерцателя.

Уехать! Оставить атмосферу, в которой он чувствует себя одиноко. Поездка освежит душу. Дорога успокоит, отвлечет, убаюкает, под ровный стук колес хорошо думать, в дороге быт и реальность отступят на задний план. А он очень нуждается в такой временной передышке. И потом, в его жизни произошла важная встреча, которая затянула в тугой узел все копившиеся проблемы, напрягая нервы до предела.

В декабре 1828 года в Москве на балу у танцмейстера Йогеля Пушкин встретил шестнадцатилетнюю Натали Гончарову. В белом воздушном платье, с золотым обручем — такой ее запечатлел Брюллов спустя три года после той встречи. Дочь Натальи Николаевны от второго брака А.П.Арапова (урожд. Ланская) пишет в своих записках, что юная Натали в этот вечер поражала всех своей классической красотой. Эту красоту Марина Цветаева позднее поставит ей в упрек: «Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без коррективы ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сра-

12 Лотман Ю.М. А.С. Пушкин. Глава 5. После ссылки. 1826-1829.

зила». И далее еще безжалостнее: «Тяга Пушкина к Гончаровой — тяга гения — переполненности — к пустому месту. Чтоб было куда... Он хотел ноль, ибо сам был — все»^[13]. Для Цветаевой Гончарова и ее встреча с Пушкиным — рок поэта. А между тем Наталья Николаевна меньше всего была похожа на роковую красавицу, если верить воспоминаниям современников. При первом знакомстве с Пушкиным, как пишет А.П.Арапова, «его известность, властность, присутствие гению, даже не сконфузили — придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта»^[14]. Как-то не вяжется с поведением роковой красавицы... Разумеется, можно понять дочь, которая пытается описать свою мать идиллически. Но нет, скорее всего, она описывает мать верно. И все-таки больше, чем Цветаевой, верится самому Пушкину, — больше, чем всем тем, кто впоследствии судил вдову поэта. Интересно в этом плане свидетельство П.Вяземского: «Пушкин поражен был красотой Н.Н.Гончаровой с зимы 1828-1829 года. Он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юно-

13 Цветаева М. Наталья Гончарова

14 Арапова, А. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: К семейной хронике жены Пушкина / Составитель, автор примечаний и послесловия Г. Пикулева. — МПФ «Демидур», 1994, с. 256

А.П. Брюллов. Портрет Н.Н.Пушкиной. 1831-1832

ша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество»^[15].

Пылкий влюбленный, Пушкин обратил к Ф.Толстому (Американцу), старинному знакомому семейства Гончаровых, съездить к ним с визитом и попросить разрешения привезти поэта. Пушкину позволили ездить. Однако когда он сделал предложение, ему не отказали напрямик, но, по свидетельству С.Н.Гончарова^[16], «отозвались, что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишком молода и пр.». По воспоминаниям

15 А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. Под ред. Вацура В.Э. Гей Н.К. и др. — М.: «Худ. лит», 1985, с.187-188.

16 Гончаров Сергей Николаевич, брат Н.Н.Гончаровой.

С.Н.Гончарова, «с Натальей Ивановой (мать Натальи Николаевны — Т.М.) у Пушкина были частые размовки, потому что Пушкину случилось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче», старшая же Гончарова была чрезвычайно набожна, а к покойному императору относилась с благоговением. Сыграли свою роль и политическая неблагонадежность поэта, его бедность и страсть к картам^[17].

Все это вместе не способствовало удержанию его в Москве. И вот уже вопреки отказу Бенкендорфа он собирается покинуть столицу и ехать на Кавказ, а перед отъездом пишет Натали: «Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного, которому недоступно счастье. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души уношу образ небесного существа, обязанного Вам жизнью» (пер. с фр.)^[18].

Таким образом, в поездке на Кавказ было много мотивов: нельзя не усмотреть в ней проявления определенного своеволия по отношению к существовавшему режиму;

17 Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. — 2-е изд. — М.: Советская Россия, 1987, с.45.

18 Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т.9. Письма. 279. Пушкин А.С. — Н.Н.Гончаровой, 1 мая 1829 г.

Кавказ был местом ожесточенной международной борьбы, он был в то же время и местом ссылки многих друзей Пушкина — декабристов. А жестокая расправа с декабристами не поколебала личных симпатий поэта к друзьям:

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейской горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!*
(«19 октября 1827»).

Пребывание декабристов на Кавказе, при наличии у поэта глубокого интереса к этому краю, явилось важным фактором, который вкупе со смутным желанием бежать из Петербурга или даже из России (письмо к П.Вяземскому) определил для Пушкина устойчивое желание ехать на Кавказ. В письме к брату это желание объяснено как стремление увидеть Н.Раевского. Но что таится за этой жадой встречи со старинным приятелем? Думается, во многом эта «охота к перемене мест» была вызвана памятью о лучших сторонах жизни поэта: первая поездка на Кавказ, жгучие литературные споры, декабристы.

К 1829 году желание ехать на Кавказ, в Грузию, у Пушкина созрело окончательно. В пользу этого говорят два факта: генерал Н.Н.Раевский, герой Бородин, находился в начале года в Петербурге. Он приехал туда, чтобы хлопотать за своего старшего сына Александра Николаевича, высланного Воронцовым из Одессы в Полтаву. Прямых

свидетельств встречи А.С.Пушкина с Н.Н.Раевским нет, как не существует и доказательств разговора между ними. Однако одно совершенно бесспорно: Раевскому стало известно намерение поэта ехать в Грузию. Об этом генерал Раевский писал своему сыну Николаю Николаевичу, командовавшему Нижегородским драгунским полком и находившемуся в Тифлисе. «Я возвращаюсь из Петербурга, мой друг Николушка, и письмо сие в третий раз начинаю писать тебе. Пушкин хотел из Петербурга к тебе ехать, потом из Москвы, где нездоровье его еще раз удержало, я ожидаю его извещения и письмо сие назначено к отправлению с ним»^[19]. В конце письма генерал Раевский еще раз возвращается к мысли о поездке Пушкина в Грузию.

Да, все приведенные причины складываются в стройную цепь причинно-следственных отношений, объясняющих решение Пушкина ехать на Кавказ. Но откуда тогда это стремление наперекор фактам вновь и вновь задаваться вопросом, куда же все-таки ехал Пушкин? И вопрос этот не плод дилетантизма, незнания фактов биографии поэта. Нет, не случайно П.А.Вяземский, прекрасно знавший и Грибоедова, и Пушкина, сообщал в своих письмах и дневниках того периода, что Пушкин отправлялся куда-то «дальше», «на восток». Что, если, наряду с уже

19 Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. Письма.

В.А. Тропинин. Портрет Н.Н.Раевского

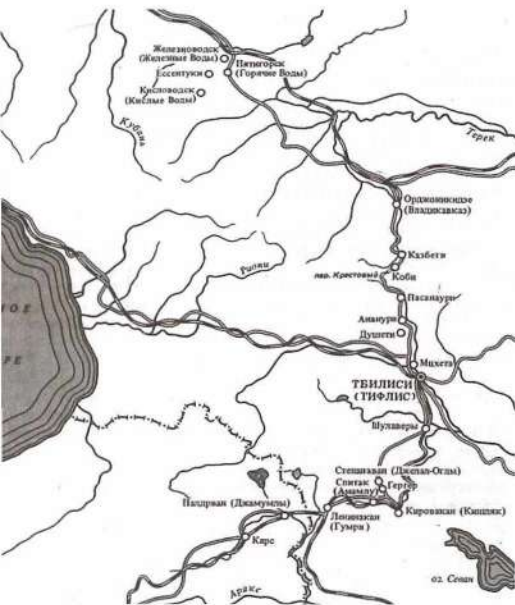
указанными причинами, существовала еще какая-то причина?

Разумеется, то, что можно предположить, всего лишь гипотеза, которая, в силу отсутствия достоверных источников, не может быть доказана на данном этапе. Но кто знает доподлинно, о чем беседовали Пушкин и Грибоедов во время своих встреч в Петербурге в 1828 г.? Уже было известно о назначении Грибоедова послом в Персию. Пушкин и Грибоедов могли обсуждать вопрос о том, что Грибоедов, имея полномочия по приему в состав своего посольства новых сотрудников, в случае приезда Пушкина в Тифлис попытается принять его на службу или просто возьмет его с собой в Персию.

Что говорит в пользу права на

существование подобной гипотезы? Жизнь в душной атмосфере Петербурга явно тяготила Пушкина. Она не сулила ни решения остро стоявшего финансового вопроса, ни особых перспектив послужить Отечеству, ни карьерного движения. Пушкина, сотрудника Коллегии иностранных дел, никуда не отпускало начальство. Все это должно было немало огорчать поэта. На пороге тридцатилетия — ни денег, ни карьеры, ни семьи. А ведь по тем временам тридцать лет для мужчины — солидный возраст. А тут давний интерес к востоку — ведь было же стремление уехать в долгосрочную экспедицию в Китай! Возможность увидеть Персию могла вполне казаться альтернативой на фоне постоянных неудач в попытках устроить личную жизнь.

Не испросив разрешения, 9 марта 1829 года А.С.Пушкин выехал из Петербурга, отметившись в полиции выехавшим в Тифлис, по подорожной, которая была выписана ему 4 марта 1829 года для проезда в Тифлис и обратно. 1 мая 1829 года после неудачного сватовства он из Москвы выехал на Кавказ. Узнав об этом, Николай I пришел в ярость и приказал «потребовать от него (Пушкина — Т.М.)» объяснений. Кто ему разрешил отправиться в Арзрум, во-первых, это за граница, а во-вторых, он забыл, что обязан предупреждать меня обо всем, что он делает, по крайней мере, касательно своих путешествий. Дойдет до того, что после первого же случая ему будет

Маршрут поездки Пушкина на Кавказ в 1829 г.

определено место жительства»^[20].

Стремление Пушкина на Кавказ было расценено в III Отделении Его Императорского Величества тайной канцелярии как свидетельство политической неблагонадежности, почти враждебности Пушкина. Бенкендорф, осознавая то огромное влияние, которым обладало поэтическое слово Пушкина, опасался встречи поэта с сосланными на Кавказский театр войны декабристами и соответственно своим представлениям о реальности предпринял меры, желая иметь самую полную и самую точ-

20 *Сергеев М.* Пушкин. Вся жизнь – один чудесный миг. «Молодая гвардия», 1969, с. 166.

ную информацию о поведении поэта. Информацию, которая давала бы возможность при необходимости применить практические меры против пушкинского «самовольства».

Сразу после отъезда Пушкина шеф жандармов оповещает петербургского генерал-губернатора кн. Голенищева-Кутузова об отъезде Пушкина на Кавказ и о необходимости учреждения там над ним тайного надзора. В ответ на это петербургский губернатор уведомлял, что о тайном надзоре за Пушкиным сообщено на Кавказ командующему Кавказским военным корпусом генералу И.Ф.Паскевичу. В свою очередь И.Ф.Паскевич 12 мая 1829 года приказал начальнику своего штаба барону Д.Е.Остен-Сакену предупредить тифлисского военного губернатора генерала С.С.Стрекалова о предстоящем прибытии А.С.Пушкина и об учреждении тайного надзора над ним. В этом предупреждении говорилось: «Известный стихотворец, отставной чиновник X класса, Александр Пушкин отправился в марте месяце из С. Петербурга в Тифлис, а как по Высочайшему Е. И. В. повелению состоит он под секретным надзором, то по приказанию е. с. (графа Паскевича – Т.М.), имея честь донести о том, в пр. покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию»^[21].

21 *Сергеев М.* Пушкин. Вся жизнь – один чудесный миг. «Молодая гвардия», 1969, с. 168.

Генерал Стрекалов также не замедлил дать директиву тифлисскому губернатору, приказывая обратить на поведение А.С.Пушкина самое серьезное внимание и доносить секретно об образе его жизни. Таким образом, еще до приезда поэта в Тифлис, были предприняты полицейские меры, которые не оставляли бы без контроля ни единого шага Пушкина.

А что же Пушкин? Как он сам объясняет цели своей поездки? И вот при попытке найти ответ на этот вопрос выступают на передний план загадки этого пушкинского путешествия. Все приведенные выше причины поездки Пушкина проясняют, казалось бы, все, однако вопросы остаются. Вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. «Почему все-таки поэт совершил свой дерзкий побег из-под неусыпного контроля властей? Была ли вообще встреча поэта с той самой арбой, на которой «тело Грибоеда» везли в Тифлис? Встречался ли все-таки Пушкин с вдовой Грибоедова и его тестем А.Чавчавадзе? Можно ли вообще считать это путешествие Пушкина единственным заграничным в жизни поэта, или это было на тот момент лишь «внутрироссийское странствие»?» Эти вопросы, поставленные современным российским писателем С.Дмитриевым в книге «Грибоедов. Тайны смерти Вазир-Мухтара», на сегодня не имеют не только однозначных ответов, но из-за недостаточности доказательств их часто обходят пушкинисты в своих исследованиях. Однако попытать-

ся выстроить цепь событий все-таки можно.

Ответ на вопрос о цели путешествия обнаруживается в первоначальном наброске предисловия к «Путешествию в Арзрум», наброске, который позднее сам автор изъяснял из печатного текста, так как явно прочитывающаяся в этом отрывке истинная цель путешествия противоречила той, которую Пушкин указал в официальном объяснении, данном Бенкендорфу по возвращении из поездки: «В 1829-м году отправился я на Кавказ лечиться на водах. Находясь в так [ом] близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и с братом, служившим тогда в Ниж[егородском] драг[унском] полку. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел; армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е[го] с[иятельства] гр[афа] Паск[евича]-Эрив[анского] позволения приехать в армию. Таким образом видел я блестящую войну, увенчанную взятием Арзрума». «Рукописи «Путешествия в Арзрум» распадаются на две группы: к 1829 г. относится текст, который условно можно назвать «Путевыми записками». Именно с подзаголовком: «Извлечено из путевых записок» был напечатан Пушкиным отрывок «Военная Грузинская дорога» в «Литературной газете», 1830, N 6. Факсимиле рукописи отрывка с цензурными изъятиями, поправками и искажениями были воспроизведены в «Историческом вестнике», 1899,

Черновик рукописи «Путешествия в Арзрум»

кн. 5, стр. 29-68 (ныне рукопись в Пушкинском доме, Лицейский фонд автографов Пушкина)^[22]. Казалось бы, сам Пушкин свидетельствует об истинной цели своего путешествия — повидать приятелей минувших лет:

*Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвенье сладком близ друзей
Минувшей юности моей.*

Думается, в приведенном объяснении, адресованном официальному лицу, приводится причина, которая не может повлечь за собой серьезных взысканий со стороны властей. Но есть еще один момент. Объяснение написано по возвращении с Кавказа. О трагедии в Тегеране Пушкин узнал еще будучи в Москве в мае 1829 года. Возвращаться в Петербург с учетом событий в личной жизни, видимо, представлялось гораздо

22 Здесь и далее «Путешествие в Арзрум» цитируется по изд.: А.С.Пушкин. Собр. соч. в 10 тт. Т.5

более тяжелым, чем самовольная поездка. Таким образом, пушкинское объяснение, данное Бенкендорфу, отражало пережитое, и оно должно восприниматься сквозь призму могучих обстоятельств, которые скорректировали планы Пушкина. Так возникло спокойное, лишенное эмоций объяснение: поездка на Южный Кавказ была предпринята из желания в сложившихся сложных обстоятельствах своей жизни встретиться с друзьями юности (а заодно, конечно, и с братом), увидеть русско-турецкую войну, ближе познакомиться с давно уже интересовавшей его «стороной мало известной».

Да, казалось бы, все так. Но Пушкин убрал из предисловия к «Путешествию в Арзрум», которое издавалось спустя шесть лет после поездки, те первоначальные строки. Существует мнение, что он не желал невольно навредить своим тифлисским друзьям, а также тем, с кем общался в военном лагере. Разумеется, такой ход мыслей Пушкина вполне можно представить. Но что, если все было не совсем так?

«КАВКАЗ ПОДО МНОЮ...»

Поездка в 1829 году возвращала Пушкина к поре молодости и прекрасным впечатлениям, которые остались у него после первого путешествия. Мечта поэта — увидеть Кавказ — осуществилась в 1820 году, и судьба, по словам Н.В.Гоголя, «забросила его туда, где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается югом». Здесь перед Пушкиным открылся «исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ». В письме к брату Пушкин писал: «Два месяца жил я на Кавказе... Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях»^[23].

На Кавказе в свою первую поездку в 1820 году Пушкин в одном из духанов встретил солдата-инвалида, рассказавшего ему историю свое-

го пребывания в плену у черкесов. Этот рассказ послужил творческим импульсом и дал богатый материал для создания поэмы «Кавказский пленник» (1820-1821). Первоначальный творческий замысел Пушкина состоял в том, чтобы сделать местом действия своей поэмы Грузию. В примечаниях к поэме указано: «Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые». Однако в процессе работы над произведением замысел изменился, видимо, в силу нехватки реальных впечатлений автора, которые могли бы способствовать более четкому воспроизведению пространства повествования.

Вторично поэт приехал на Кавказ в пору своей творческой зрелости. Пушкин снова видел этот край, но видел его совсем иначе — более глубоким взором. И вот в «Путешествии в Арзрум» возникает запись: «Здесь (в Ларсе — Т.М.) нашел я измаранный список «Кавказского пленника», и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно»^[24].

24 Здесь и далее летопись пребывания Пушкина на Кавказе в 1829 г. приводится по изданию: Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина в 4-х томах. Т.3. 1829-1832. Сост. Тархова Н.А. - Изд-во «Слово/Slovo!» - Пушкинская комиссия РАН. - 1999, 624 с.

23 Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т.9. Письма. С. 214.

Военно-Грузинская дорога

15 мая Пушкин начинает вести дневник. Это происходит в Георгиевске. В дневник он будет заносить все наиболее значимые события путешествия. Таким образом в дневнике появились записи: визит к Ермолову в Орле, описание дороги до Новочеркасска, встреча с Вл.А.Мусиным-Пушкиным, посещение калмыцкой кибитки, поездка в Горячеводск. И этим днем датирована запись первого чернового наброска «Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла» — первого варианта стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Здесь же рисунки — Ек.Н. и М.Н.Раевские, автопортрет и Байрон. И встреча с той самой «искупительной миссией» персидского принца Хосров-мирзы, направленной шахом Ирана в Петербург для извинений за гибель русского посольства в Тегеране.

События путешествия, происходившие до момента вступления Пушкина на землю Грузии, подробно описаны в дневнике. И интересно, что одна тема становится как бы

«сквозной» в этих описаниях — тема Грибоедова. Путешествие началось с посещения Пушкиным в Орле бывшего главнокомандующего на Кавказе генерала А.П.Ермолова, с которым долгое время работал Грибоедов. Грибоедов, скорее всего, не мог не рассказывать об этих отношениях поэту во время их встреч в 1828 г. Из дневника Пушкина следует, что при встрече он и Ермолов говорили в том числе и о судьбе Грибоедова, хотя поэт упомянул не о трагедии, разыгравшейся в Тегеране, а об отношении Ермолова к стихам автора «Горя от ума»: «О стихотворениях Грибоедова говорит он, что от их чтения скулы болят».

21 мая 1829 года Пушкин с оказией — огромным караваном кибиток, калясок, бричек и арб — через укрепления Урухское и Ардон прибыл во Владикавказ, откуда начинался путь в Грузию. По дороге он проезжал место погребения нескольких тысяч погибших от чумы и минарет Татартуб, оставшийся на месте большого селения. Вместе с Вл.А.Мусиным Пушкин поднимался на минарет и оставил на стене свое имя. Ночлег был в Ардоне. А уже 23 мая, дождавшись в течение двух дней оказии, Пушкин выезжает в Тифлис по красивой Военно-Грузинской дороге.

Военно-Грузинская дорога — историческое название дороги, соединявшей г. Владикавказ (совр. Российская Федерация) и Тифлис. Она пересекает Главный Кавказский хребет в том месте, где его ширина минимальна — всего 110 км. Общая

протяженность дороги составляет 208 км.

Грузинский ученый и хронист епископ Леонтий Мровели, живший в XI в., сообщает, что борьба за главный перевальный путь через Кавказский хребет велась еще во II в. до н.э. В ходе этой борьбы царь Иберии Мирван (162-112 гг. до н.э.) овладел ключевым пунктом горной дороги — Дарьяльским ущельем, положив начало созданию мощного оборонительного рубежа против племенных орд, кочевавших в те далекие времена по обширным степям Северного Кавказа. В теснине Дарьяльского ущелья небольшое количество воинов могло сдерживать натиск целой армии, как в знаменитых Фермопилах.

В древнегрузинских литературных источниках Дарьяльское ущелье упоминается под различными названиями (Арагвские врата; врата Осетии; врата Дариали, или просто Дариали). Грузины-горцы называют его Врата ущелья. Римский историк Плиний Старший (I в. н.э.) свидетельствует о том, что это узкое ущелье, имевшее важное стратегическое значение, было перегорожено окованными железом бревенчатыми воротами.

В эпоху единого централизованного грузинского государства (XI–XIII вв.) значение дороги по Дарьяльскому ущелью значительно возросло, однако с XIV и до середины XVI веков дорога фактически не использовалась из-за нашествия на Южный Кавказ татаро-монголов. Традиционный путь начал оживать

Кн. П.Д. Цицианов (Цицишвили)

лишь со второй пол. XVI века.

После вхождения Грузии в состав Российской империи дорога через Дарьял в первой трети XIX в. выполняла в основном военно-стратегические функции. По предложению главноуправляющего Грузией генерала князя Павла Цицианова (Цицишвили), дороге, начинавшейся в то время от Моздока, в 1804 г. было официально присвоено название «Александрова пути» (в честь императора Александра I, в царствование которого началось сооружение опорных дорожных пунктов). Эксплуатацией дороги занималось в основном военное ведомство. Отсюда и пошло нынешнее название — Военно-Грузинская дорога, быстро вытеснившее официальное.

Постоянное и регулярное колесное движение началось в 1827 г. Движение гужевого транспорта производилось по особому регламенту: обоз и почта отправлялись в определенные дни в сопровождении обя-

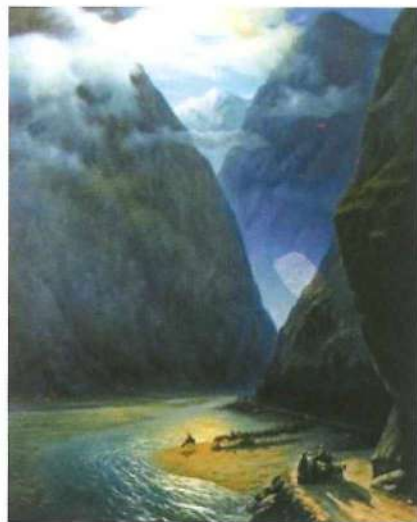
зательного эскорта, состоящего из конных казаков, пехоты и пушки. Такой порядок передвижения просуществовал вплоть до середины XIX в. и назывался оказией. Сменившая оканию почтовая гоньба обслуживалась уже экипажами на рессорах и резиновом ходу и тринадцатью станциями, при которых постоянно содержалось 857 лошадей.

Дорога, выходя из Владикавказа, пролегает по долине р. Терек, которой восхищался А.С.Пушкин («Меж горных <стен> несется Терек, / Волнами точит дикий берег...» (1829); «играет и воет, как зверь молодой» («Кавказ», 1829), «дробясь о мрачные скалы» («Обвал», 1829), для которого образ Терека, как и для классиков грузинской литературы XIX века (Гр.Орбелиани, И.Чавчавадзе, Ал.Казбеги и др.) символизирует непокорность, волю к борьбе.

С Пушкиным недалеко от селения Ларс приключился эпизод, который он счел необходимым занести в свой дневник: «Не доходя до Ларса, отстал я от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между которыми хлещет Терек с бешенством неизъяснимым. Вдруг бежит ко мне солдат, говоря: — В<аше> б<лагородие>, не останавливайтесь: убьют».

За небольшим поселением Верхний Ларс, в котором хорошо сохранилось старое здание бывшей почтовой станции, начинается вход в знаменитую теснину Терека — Дарьяльское ущелье протяженностью более 12 км. Ущелье сложено мощными толщами горных пород. Отвес-

ные скальные обрывы тянутся вверх почти на километр. Изгибистая дорога вьется узкой лентой вдоль реки, то опускаясь до ее уровня, то взмывая вверх над глубокой пропастью, по дну которой в обломках скал и громадных валунов, поднимая оглушительный грохот, стремительно несутся клокочущие, покрытые пеной воды Терека. За мостом, построенным взамен старого подвесного «Чертова моста», дорога пролегает по ущелью: «Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами, — писал Пушкин. — Здесь так узко, так узко... что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синее над вашей головою... Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь, как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек

И.К. Айвазовский. Дарьяльское ущелье в лунную ночь. 1868

шумит, как колеса, движущие жернов». Здесь на каждом километре встречаются руины древних крепостей и башен. Пушкин описывает крепости со рвом, «который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с ржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока». Тут Терек обтекает огромный утес, на вершине которого видны величественные руины главной твердыни, некогда надежно запиравшей вход в Дарьял.

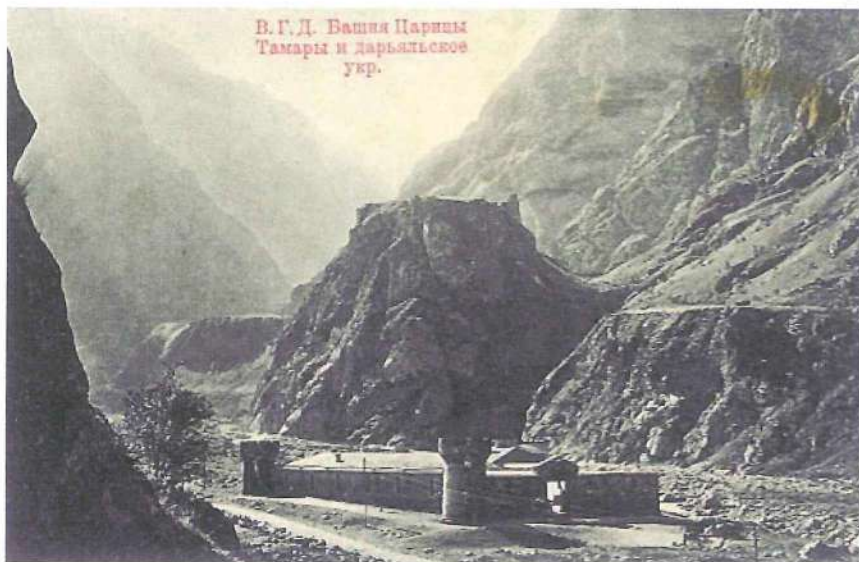
С Дарьяльской крепостью связано немало легенд и преданий, в том числе и нелепая выдумка о некой царице Дарье (Тамаре), якобы жившей в теснине и грабившей купеческие караваны. Следуя этой подделке под грузинскую легенду, Дарьяльская крепость неверно именуется замком царицы Тамар, хотя ни один из старинных грузинских письменных источников не связывает крепость с именем великой царицы феодальной Грузии Тамар (1184-1223), причисленной Грузинской Православной церковью к лику святых.

Дарьяльское ущелье кончается у старинного селения Гвелети, где находятся церковь с фресками XIII-XIV веков, сторожевая башня, водопад. От Гвелети отходит дорога к Девдоракскому леднику, и начинается основная трасса альпинистских восхождений на Казбек («ледяная вершина»).

Терек

За Дарьяльской тесниной ущелье расширяется. Здесь на берегу Терека стоит живописный населенный пункт Степанцминда (в эпоху Пушкина Казбеги). Одно из народных преданий гласит, что в далеком прошлом большое мохевское село располагалось у подножия горы Куро. В келье возле сельской церкви жил монах Степанэ. Однажды ночью во время сильного ливня с гор пошел мощный селевой поток. Надвигающуюся беду первым заметил монах и тут же ударил в колокол. Жители успели покинуть свои дома, которые вскоре были затоплены грязевой лавой. Перебравшись на более высокое место, благодарные сельчане назвали свое новое поселение именем монаха — Степанцминда (Святой Степанэ). Степанцминда была переименована в Казбеги в XIX в. в честь местного выборного старейшины Чопикашвили, много и полезно содействовавшего русским властям при постройке мостов через Терек, снабжении транспортными средствами и продовольствием. Казбеги — родина классика грузин-

Башня Тамары и Дарьяльское укрепление

ской литературы XIX в. Александра Казбеги, автора таких произведений, как «Отцеубийца», «Хевисбери Гоча», «Элгуджа» и т.д.

Недалеко от селения Казбеги Пушкин встретил персидского поэта Фазиль-хана, едущего в Петербург в составе «искупительной» миссии, посланной шахом Персии из-за событий в Тегеране, повлекших гибель русской миссии и посла — А.Грибоедова. Поэт был представлен персидскому «коллеге» и выслушал сожаления собрата по перу о том, что знакомство их так коротко. И вот в дневнике Пушкина мы не находим ни истории Дарьяльского ущелья, ни легенды о Тамаре, зато находим подробное описание этой встречи, состоявшейся 24 мая

на пути по Дарьяльскому ущелью. «Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазиль-хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительное и проч. Со стыдом принужден я

был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей паху и по крашеным ногтям»^[25].

Разумеется, эта встреча вновь вернула Пушкина к мыслям о Грибоедове, о чем свидетельствует запись в черновиках «Путешествия в Арзрум», где приводится цитата из «Горя от ума»^[26]. И еще: одного из участников этой миссии Пушкин нарисовал по памяти в альбоме Е.Н.Ушаковой, а несколькими листами дальше в том же альбоме он нарисовал Грибоедова в персидской шапке. И вот еще: в посвященном Фазиль-Хану наброске стихотворения Пушкин упоминает любимых Грибоедовым персидских поэтов Гафиза и Саади:

*Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы русским имена.
Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след...
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.*

Вся эта «персидская тема» проявится вновь уже 5 июня, в военном лагере на Евфрате, в стихотворении «Из Гафиза»:

25 Пушкин А.С. «Путешествие в Арзрум», глава первая, с. 424.

26 Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 1017.

*Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!*

В черновике стихотворения — запись Пушкина: «Шеер I. Фаргад-Беку», которая может свидетельствовать о том, что поэт задумывал тогда написать целый цикл стихов из Хафиза и других персидских лириков (азербайдж. шеер или шеир означает стихотворение), но впоследствии этого не случилось. Кроме того, по мнению исследователя Д.И.Белкина, указанное стихотворение являлось своеобразным ответом на поэтическое творение «В Персию» А.Н.Муравьева, который вскоре совершит знаковое и отмеченное Пушкиным паломничество в

«Камергер двора Фатали-шаха». Рисунок А.С. Пушкина. 1829 г. Альбом Е.Н. Ушаковой

Окрестности Гудаури

Иерусалим. Но дело даже не в этом: стихотворение пронизано пафосом отрицания жестокостей войны, ложных образов «бранной славы», желанием избежать лишних и ненужных смертей.

К западу от Степанцминда на одной из горных вершин высится церковь Цминда Самеба (Святой Троицы), построенная в XIV веке. Ниже церкви на высоких террасах, образуемых берегами речки Чхери, расположено селение Гергети. Совершая свой побег на Кавказ, Пушкин словно возвращается к себе молодому, когда он «замыслил побег», будучи в Одессе – воочию обретает образы, возвращающие к «вольному» небу, «вожде́ленному» свету и «вечным лучам». И тогда горный монастырь на Казбеке предстает в образе ковчега спасения:

*Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь над облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожде́ленный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..*

Дорога проходит по сравнительно широкому Хевскому ущелью, лишь изредка спускаясь к руслу Терека. Горный ландшафт здесь оживляют разбросанные по склонам гор поселения с типичными для этих мест сторожевыми и боевыми башнями. Одна из таких башен стоит у окраины села Сиони. Далее дорога входит в селение Коби. Здесь сходятся четыре ущелья: Хевское,

Трусовское, Ухатское, Байдарское. Дорога резко идет вверх, проникая в Байдарское ущелье. Остановившись на ночлег в Коби 24 мая, Пушкин и его спутники узнают, что перевал завален снегом и дорога очень трудна. Пушкин обращается к чиновнику Б.Г.Чилияеву (Чилашвили) с просьбой помочь ему и его спутникам – подполковнику Бауману и Вл.А.Мусину-Пушкину – перебраться на завтра с тяжелыми колясками через Крестовый перевал; в рабочей тетради сохранился черновик этого письма. Пушкин в рабочей тетради набрасывает три черновые строки послания Фазиль-хану («Благословен и ты, поэт»), потом заполняет весь лист рисунками, навеянными реальными впечатлениями: здесь кавказский пейзаж, автопортрет в папахе, фигура грузинки, несколько портретных набросков. Посредине листа крупно помета «25 мая. Коби».

За Байдарским ущельем начинается подъем к наивысшей точке Военно-Грузинской дороги – Крестовому перевалу, пролегающему на высоте 2379 м. С перевала, увенчанного небольшим обелиском с крестом, открывается удивительный по красоте вид на окрестности. Всюду горы, в ясную погоду они просматриваются с поразительной четкостью, порой кажутся рукотворными. Воздух здесь всегда изумительно чист и прохладен.

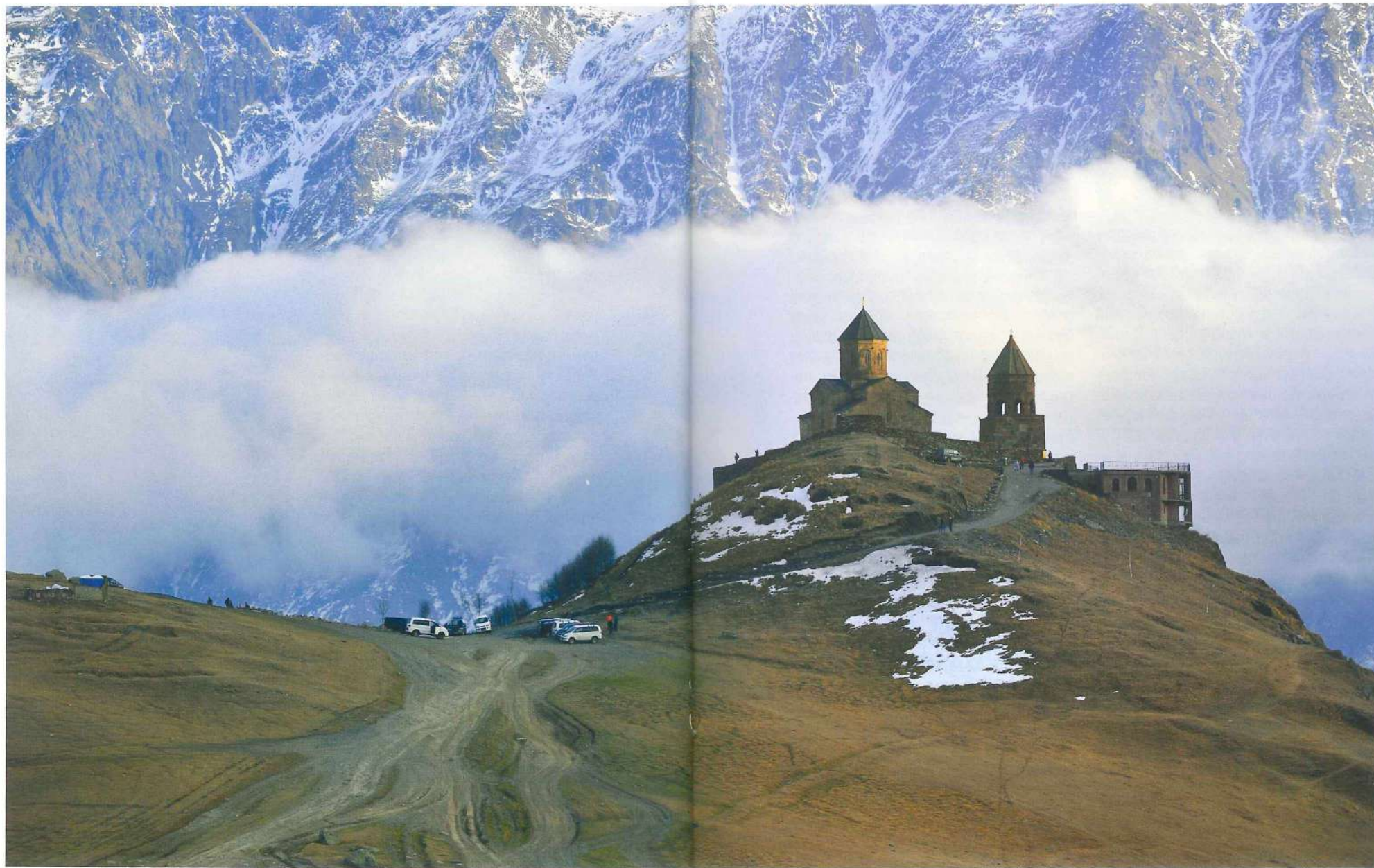
До полудня 25 мая Пушкин вместе с другими гадал, как ехать через Крестовый перевал, потом поехал верхом вместе с подполковником Н.Г.Огаревым. С трудом добрались

они по рыхлому снегу до снежной «вершины Кавказа», увидели обвал неподалеку от себя и крест на вершине Крестовой горы и начали спускаться на южную сторону хребта. Ночевал Пушкин у Б.Г.Чилияева в селении Квешети.

Далее дорога идет на очень большой высоте и входит в глубокое и мрачное Гудское ущелье. Здесь она кружит по карнизным вырезкам в отвесных скалах, а под ней в ущелье плывут облака и серебряной нитью тянется Арагви. Эта местность овеяна множеством поэтических легенд и преданий. Одна из легенд повествует о сказочном властелине Гуд-

Стела с надписью «Крестовый перевал»

Церковь Святой Троицы. XIV в.

горы, могучем старце Гуде, который прославился среди горцев добрыми делами, но потом обезумел от безответной любви к красавице-горянке Нино. Крупные валуны, устилающие устье Чертовой долины (от сл. черта), как утверждает легенда, падали с окрестных гор от гулких раскатов смеха старца Гуде, который радовался ссоре между Нино и ее возлюбленным.

На живописном склоне Гуд-горы расположилось самое высокогорное селение, через которое проходит Военно-Грузинская дорога, — Гудаури. На протяжении первой половины XIX в. Гудаури было оживленным перевалочным пунктом, о чем свидетельствует сохранившееся здание почтовой станции и конного двора. «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен, — писал Пушкин. — Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога». Именно с этой заоблачной высью связано стихотворение Пушкина «Кавказ»:

Здесь тучи смиренно идут подо
мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят
водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник
сухой;

А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут
олени.
А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным
стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым
долинам,
Где мчится Арагва в тенистых
берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом
веселье...

Ночь, проведенная в Квешети, в доме Б.Чилашвили, должна была быть очень интересной для Пушкина. Ведь его «любезный хозяин» был воспитан в Петербурге, близок к передовым русским литературным кругам, являлся «однокашником» декабриста А.А.Бестужева-Марлинского. Как полагает Е.Вейденбаум, именно здесь, у Б.Чилашвили, на берегу шумной Арагвы, Пушкин завершил окончательную редакцию знаменитого стихотворения, начатого 15 мая в Георгиевске:

На холмах Грузии лежит ночная
мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя
светлая;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой...
Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит —
оттого,
Что не любить оно не может.

В доме Б.Чилашвили поэт остановился и на обратном пути. Об этом узнаем мы из письма А.А.Бестужева-Марлинского, направлявшегося из сибирской ссылки в Грузию. «Я, — писал он Н.А.Полевому, — сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его (Пушкина — Т.М.) повозку; мне сказали, что он у Бориса Чилиева, моего старого однокашника, ему дали провожатого по новой околенной дороге, так что он со мной и не встретился!.. Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него!»^[27]

Через Млетский спуск, где порой можно наблюдать потрясающие по красоте и невероятные в своей фантастичности пейзажи с сияющим в вышине небес солнцем и мрачными черными грозowymi тучами, извергающимися молнии и потоки ливня внизу, дорога спускается в Мтиулети — историко-географическую область Восточной Грузии — и через Кайшаурскую долину и Пасанаури движется в сторону Ананури, в котором расположена сохранившаяся средневековая цитадель, построенная как часть мощного крепостного укрепления, предназначенного для охраны пути, ведущего из Дарьяльского ущелья в Восточную Грузию. «Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, — писал Пушкин, — сменили мрачные ущелья и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья... В

27 Бестужев-Марлинский А. Сочинения. В 2-х т. - М. 1981

Гудаури. Почтовая станция. Конец XIX в.

Пайсанауре остановился я для перемены лошадей».

Пушкин проезжает Пасанаури, оставляет там свою коляску «у заставного дома» (для уплаты дорожной пошлины) и дальше идет пешком. Проходит Ананури, вновь не дождавшись коляски, идет пешком до самого Душети. Это был, пожалуй, самый утомительный отрезок пути. «Лошади мои не приходили, — писал Пушкин. — Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Эти десять верст стоили добрых двадцати.

Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь все выше и выше. С дороги сбиться было невозможно; но местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился... Я проклинал свое нетерпение, но делать было нечего. Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осеянных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему...» (Пушкин: «Путешествие в Арзрум», глава первая).

Дом Чилиева

Усталый и голодный, Пушкин попадает поздно вечером 26 мая в Душети на квартиру городничего, майора Р.С.Ягулова, где и ночует. В Душети Пушкин записывает в дневник «Благословен твой подвиг новый» <Фазиль-Хану>. Второй черновой набросок неоконченного стихотворения. В автографе над текстом помета Пушкина: «Душет 27 мая». На обороте листа арабская надпись карандашом и рисунки пером и карандашом: головы и профили мужские и женские (среди них узнаваемы портреты А.Н.Оленина, П.А. и Е.М.Олениных). «Поутру явился ко мне мой человек и объявил, что граф Пушкин (В.Мусин-Пушкин) благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф Пушкин и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятной мыслью, что ночую в Тифлисе». Утром, 27 мая Пушкин вместе с Вл.А.Мусиным-Пушкиным и Шернвалем отправились в Тифлис.

Повсюду наблюдает Пушкин нищету жителей: «изодранные» чадры на женщинах, «пестрые лохмотья».

«Грузинские деревни, — писал он, — издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями». И это не удивляет, так как представители царской администрации воспринимали назначение в Грузию как доходное место, и им не было дела до нужд местного населения: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином ассессорским, толико вожделенным».

Основная дорога, пролегая мимо оз. Базалети, движется по краю Мухранской долины и проходит через г. Мцхета — одно из древнейших поселений на территории Грузии, возникновение которого традиция связывает с именами легендарного праотца

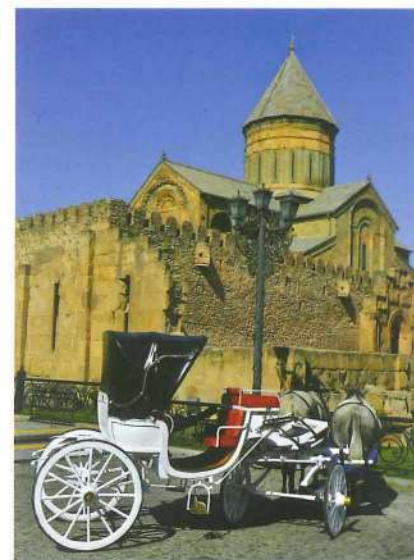
Ананури

грузинских племен Картлоса и сына его Мцхетоса. Почти целое тысячелетие Мцхета была столицей Грузии (с IV в. до н.э. до сер.V в. н.э.).

В эпоху своего расцвета Мцхета представляла собой большой, состоявший из обособленных частей город, кварталы которого группировались вокруг двух цитаделей, прикрывавших подступы к городу с севера и юга. Одну из них Страбон и Плиний Старший называют Армазика (груз. Армазисцixe), другую — Севсамира (груз. Цицамури). Во второй пол. V в. столицей Грузии стал Тбилиси, но Мцхета продолжала играть важную роль в политической жизни страны, являясь резиденцией Католикос-патриархов Грузии.

В противовес языческому, христианский центр Мцхета изменил свое положение, переместившись с горы Багинети, на которой расположен Армазисцixe, на низкий мыс, где текут, «обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры» и на котором была воздвигнута главная мцхетская святыня — кафедральный собор Светицховели (Животворящий Столп) — духовный символ Грузии, который строился с 1010 по 1029 год зодчим Арсукидзе (упомянут в надписи на фасаде). История строительства храма и трагическая судьба зодчего нашли художественное воплощение в одном из крупнейших прозаических произведений грузинской литературы XX столетия — романе К.Гамсахурдия «Десница великого мастера» (1939-1956).

Территория и окрестности Мцхета, включающие 92 памятника куль-

Храм Светицховели

туры, в числе которых комплекс монастыря Самтавро, Шио-Мгвимский монастырь, а также один из древнейших в стране монастырских храмов — храм Джвари (VI век), сегодня находятся под охраной ЮНЕСКО как часть Всемирного наследия.

От Мцхета дорога направляется к Тифлису. Вот какими предстали эти места перед взором Пушкина: «Дорога была ... приятна и живописна, хотя редко видели мы следы народонаселения. В нескольких верстах от Гарцискалы мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера». Итак, 27 мая, примерно в 23.00, Пушкин прибыл в Тифлис.

«ВОЛШЕБНЫЙ КРАЙ»

О пребывании Пушкина в Тифлисе существует очень мало документов. Таким образом любой документ, в котором можно обнаружить хотя бы малейшие сведения об этом периоде в жизни Пушкина, представляется важным. К числу таких документов относятся воспоминания Н.Б.Потоцкого. Эти воспоминания во многом рассматриваются исследователями как недостоверные, однако в силу малого количества свидетельств имеют значение как записи очевидца, пусть и весьма «олитературенные».

Итак, по свидетельству Потоцкого, прибывшего вместе с Пушкиным в Тифлис поздно вечером 27 мая, они остановились в гостинице Матасси. Эта гостиница, занимавшая помещение в двухэтажном доме с балконом, располагалась на месте дома № 5 по улице, сегодня носящей имя Пушкина. При гостинице был ресторан.

Власти заведомо приготовились к приезду Пушкина. Военный губернатор Тифлиса Стрекалов, получивший еще 12 мая указание от генерала Паскевича об учреждении надзора за Пушкиным, принял соответствующие меры, предписав гражданскому губернатору Тифлиса следить за Пушкиным и секретно до-

Гостиница, в которой останавливался в Тифлисе Пушкин. Художник В. Кахидзе

носить обо всех моментах пребывания поэта в Тифлисе^[28]. Но это была, так сказать, одна сторона дела. В городе жили люди, которые были друзьями и знакомыми Грибоедова. Судя по сохранившимся свидетельствам, именно с этим кругом активнее общался в Тифлисе Пушкин.

Каким открылся взору Пушкина древний Тифлис, когда утром 28 мая, отдохнув с дороги, поэт вышел на Эриванскую площадь^[29] подышать теплым майским воздухом? В 1820-1830-е годы город еще во-

28 Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: В 4 т. Т.2. М., 1999, с.955.

29 Совр. площадь Свободы

многом состоял из зданий, которые определяют собой архитектуру региона Южного Кавказа и облик которых во многом продиктован особенностями местного климата. Навесные балкончики, открытые галереи, невысокие, в основном, в два этажа жилые дома, украшенные замысловатой резьбой. Узкие улочки, причудливо переплетающиеся, стремясь к основному «центру жизни» города – Майдану, Хлебной площади и Эриванской площадям. Зданий европейского типа было очень мало. Так что колорита и экзотики вполне хватало, чтобы вознаградить путешественника за тяготы пути. Несмотря на все разрушения, а перед приездом Пушкина одним из последних городу нанесло ущерб землетрясение 1827 года, величав и прекрасен был старый Тифлис. Сердце города, бесспорно, составлял район крепости Нарикала, бастионы которой в эпоху Пушкина доходили до берега реки Кура. К моменту приезда Пушкина в Тифлис крепость уже утратила свое военно-стратегическое значение, но не потеряла величавой красоты. На противоположном берегу располагался замок Метехи и сохранившиеся постройки усадьбы Сачино – изящного дворца, построенного царем Ираклием II для своей супруги царицы Дареджан. Рядом с Нарикала, у самого подножия бастионов крепости, располагались знаменитые серные бани – главная достопримечательность района Сейд-Абадской возвышенности. Безусловно значимым местом Тифлиса был храм Сиони, располагавшийся на противо-

положной от бань стороне крепости, поблизости от берега реки. А рядом возвышалась колокольня, построенная в 1812 году, – двухъярусное сооружение, одна из первых в городе построек в стиле раннего русского классицизма. А еще дальше, в сторону Эриванской площади, изящно спрятавшись между домами, красовалась жемчужина древнегрузинского зодчества – Анчисхатская базилика. К моменту приезда Пушкина в Тифлисе уже был построен дворец русского наместника на Кавказе. Великолепная усадьба, гармонично вписанная в ландшафт у подножия Мтацминда и окруженная роскошным садом, как это и изображено на картине В.Ф.Тимма.

Посетил Пушкин и Мтацминда (Святая гора), где ныне расположен Пантеон писателей и общественных деятелей Грузии. Посетил, чтобы поклониться могиле Грибоедова.

К концу первой четверти XIX века Тифлис был крупнейшим торговым городом на Южном Кавказе. Французский консул в Тифлисе Шарль Гамба писал: «...иногда в один и тот же день приезжают негодяи из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны и Едза, узбеки из Бухары, так что этот город может похвастаться главным узловым пунктом между Европой и Азией»^[30].

В 1820-1830-х годах Тифлис являлся крупным культурным и поли-

30 Гамба Ж.Ф. Путешествие по Южной России. – Париж, 1824.

Н. Чернецов. Тифлис. I пол. XIX в.

тическим центром Южного Кавказа. В Тифлисе жили и творили ярчайшие представители грузинской литературы, а также художники слова, творившие на армянском и азербайджанском языках. В разные историко-культурные эпохи, в силу геополитического положения Грузии, располагаясь на пограничье античной и восточной цивилизаций, позднее — на границе цивилизаций Восточной Азии и Восточной Европы, культура Грузии, ее локальные контексты изменялись в зависимости от точки отсчета. Грузинское творческое сознание, долгое время находившее-

ся под чрезмерным влиянием восточных традиций, к моменту приезда в Тифлис Пушкина делало первые шаги по пути соприкосновения с русской культурой, понимаемой как часть европейской цивилизации и вступавшей в фазу своего расцвета, которая продлилась все XIX столетие. А на тот момент грузинское общество наблюдало, как в городе появлялись училища, библиотека, издавалась на русском языке газета «Тифлисские ведомости». Так ростки новой жизни пробивали себе дорогу, постепенно тесня старый образ жизни и открывая жителям новые го-

ризонты. Во многом позитивные изменения в жизни города были связаны с деятельностью А.Грибоедова.

Интерес к личности Пушкина, думается, был обусловлен и тем моментом, что деятели грузинской литературы живо интересовались достижениями русской культуры, осознавая, что знакомство, осмысление особенностей русской литературы может способствовать становлению грузинской культуры на путь возврата к родственной по базовым культурным ценностям общеевропейской культуре.

26 апреля газета «Тифлисские ведомости» писала: «Мы ожидали даже сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». А некоторое время спустя: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках, и 16-го июня прибыл в лагерь при Исаксу. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам «Кавказского пленника», в Крыму написал «Бахчисарайский фонтан», в Бессарабии «Цыган», во внутренних провинциях писал он прелестные картины «Онегина». Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем люби-

мый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшего друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани». Наконец, 9 августа «Тифлисские ведомости» писали: «6 августа Пушкин, возвратившийся из Арзрума, выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным Водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения, наделит литературу».

Итак, официальная газета представляла своим читателям информацию о Пушкине. Следует отдать должное редколлегии этого издания: редактор П.С.Санковский, заместители С.Додашвили и В.Д.Сухоруков никак не могут считаться наивными личностями, публиковавшими в газете репортажи о передвижениях по Южному Кавказу поэта, о котором было известно, как минимум, что он подвергался немилости — и не раз. На фоне недоброжелательных отзывов столичных газет о произведениях Пушкина, как, к примеру, в статье Н.И.Надеждина «Полтава. Поэма Александра Пушкина» («Вестник Европы», №8, 1828), где не только негативно оценивается поэма, но и автор резко отрицательно отзывался о личности Пушкина вообще, — на таком фоне доброжелательные, почти восторженные строки «Тифлисских ведомостей» предстают полными контраста по отношению к столичной прессе. Если у Надеждина Пушкин

В.Ф. Тимм. Дворец наместника в Тифлисе

лишь жалкий подражатель Байрона, то в тифлисской газете поэт непременно подарит публике немало «прекрасных подарков». Налицо различие как в понимании пушкинского творчества, так и в отношении к личности самого автора, которого редактора тифлисского издания не побоялись приветствовать как «гения».

К моменту приезда Пушкина в Тифлис газета распространялась по всей Российской империи. Пушкин знакомится и, по-видимому, встречается не раз с П.С.Санковским, который рассказывал ему «много любопытного о Грузии». По свидетельству К.И.Савостьянова, Санковский устроил в честь Пушкина званный обед. Н.Б.Потокский вспоминал о встрече с Пушкиным у Санковского «за вечерним чайным столом»^[31].

31 Пушкин и его современники. XXXVII. С. 146: Письма. Т. III. С. 554: Потокский. С. 581

На обеде у Санковского Пушкин познакомился с К.И.Савостьяновым, который вспоминал: «Когда я, по молодости и живости моего характера, необдуманно позволил себе заметить А.С.Пушкину, что он весьма слабо изобразил великого полководца (в оде «Наполеон»), назвав его баловнем побед... Пушкин, взглянув на меня не совсем благосклонно, принял мою выходку строптиво: быстро прервал разговор и замолчал...»^[32]

Во время пребывания А.С.Пушкина в Тифлисе он был принят гражданским губернатором П.Д.Завилейским^[33].

Почему Пушкин не оставил ника-

32 Пушкин и его современники. XXXVII. С. 146

33 Эйдельман Н. Пушкин и его друзья под тайным надзором // ВЛ. 1985. № 2. С. 128-139.

ких свидетельств относительно того, встречался ли он с вдовой Грибоедова, с ее отцом, кн. А.Чавчавадзе, с другими грузинскими поэтами? Исследователям творчества поэта, в разное время обращавшимся к изучению пребывания Пушкина в Тифлисе, трудно было не предположить, что Пушкин, посетив Грузию, встретился с грузинскими поэтами. Это прежде всего относится к блестящему представителю грузинского романтизма А.Чавчавадзе. Однако никаких конкретных документов на этот счет не сохранилось. Посему на сегодня мы имеем ряд версий.

Что известно доподлинно? Известно, что Пушкин посещал могилу Грибоедова. Грибоедов был похоронен на Мтацминда к моменту посещения могилы Пушкиным не более чем полмесяца назад. По некоторым данным, Пушкин побывал на могиле Грибоедова дважды. Пушкину, как

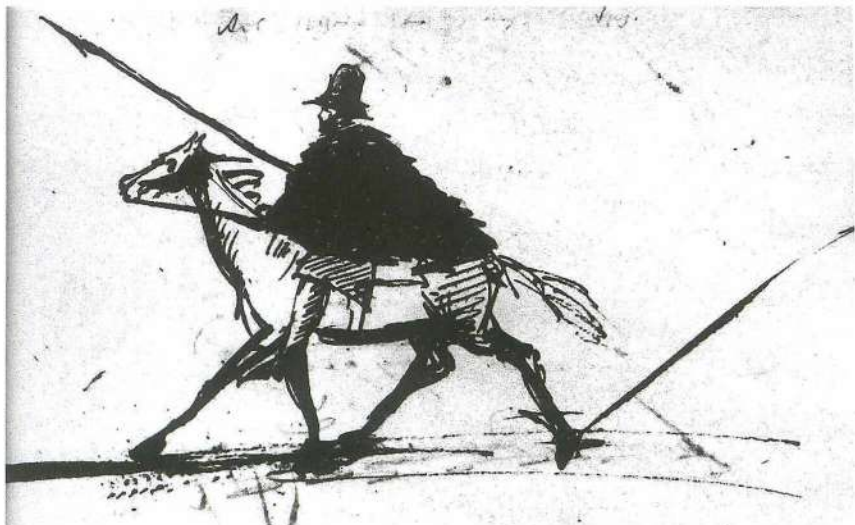
получается хронологически, суждено было посещать еще не обустроенную могилу, на которой известный памятник появится намного позже. Существует мнение, что, возможно, побывав на Мтацминда и отдав последний долг праху автора «Горя от ума», Пушкин «счел бы необходимым выразить соболезнование вдове и тестю Грибоедова, которые находились в то время в Тбилиси, тем более что русский поэт уже мог быть наслышан об А.Чавчавадзе (долгое время командовавшем Нижегородским драгунским полком), который, помимо всего, являлся приятелем многих друзей и знакомых Пушкина — В.Вольховского, Н.Раевского, М.Пушина, И.Бурцова, П.Коновницына.

Но насколько все это могло быть именно так? В пушкинистике широко известен факт: Пушкин в одном из предисловий к «Путешествию в Арзрум» исправил французского консула в Трапезунде В.Фонтанье, который в своей изданной в Париже книге «Путешествие на Восток, предпринятое по поручению французского правительства» (1834) неверно упомянул фамилию Чавчавадзе, исказив ее — Tsitse-vaze.

Также из воспоминаний Д.Ф.Харламовой известно, что Пушкин нанес визит П.Н.Ахвердовой, которая была связана с семейством кн. Чавчавадзе тесными родственными и дружескими узами. В известном биографическом очерке о Грибоедове А.М.Скабичевский, в частности, пишет: «По обыкновению всеми любимым, Грибоедов посе-

Могила А.С. Грибоедова. Конец XIX в.

А.С. Пушкин Автопортрет в бурке, верхом. 1829

щал лучшие семейные дома города, чаще же всего бывал у генерала Р.И.Ховена и у вдовы генерал-майора Ахвердова, где впервые увидел он княжну Нину Чавчавадзе, сделавшуюся впоследствии его женой»^[34]. Дом Прасковьи Николаевны Ахвердовой — вдовы генерала Федора Исаевича Ахвердова, бывшего начальника кавказской артиллерии, был очень гостеприимным. Хозяйка, высокообразованная женщина, любила литературу, увлекалась живописью, устраивала балы, музыкальные вечера. Сюда часто приходили А.П.Ермолов, Н.Н.Муравьев и многие другие командиры и чиновники штаба кавказского корпуса.

Думается, вопрос «Почему бы Пушкину, нанеся визит Ахвердовой, не нанести еще и визита Нине Грибоедовой? Ведь все располагается рядом» напрашивается сам собой. Действительно, если во флигеле дома Ахвердовых проживало семейство Чавчавадзе, то возможность подобного визита представляется логичной. Однако ни один из авторов сохранившихся мемуаров или воспоминаний о пребывании Пушкина в Тифлисе ни разу не указывает на факт подобной встречи или визита. На предположение о подобной встрече наталкивает свидетельство княгини С.Чавчавадзе:

«Все, что приезжало из Петербурга... молодого и старого, составляло принадлежность гостиной князя». «Наш дом, — писала Саломэ Чавчавадзе, — в течение сорока лет был открыт для всех... наши соотече-

ственники там вступали в дружбу с русскими».

Познакомился ли Пушкин с семьей Чавчавадзе? Находилась ли Нина Грибоедова в момент визита в доме (или во флигеле дома)? Виделся ли с ней Пушкин? На все эти вопросы документально подтвержденных ответов пока не существует. Что касается самого кн. А.Чавчавадзе, опять-таки нет никаких документальных свидетельств его встречи с Пушкиным. Возможно, правы те исследователи, которые предполагают, что дело в том, что архив А.Чавчавадзе сгорел в 1854 году во время нападения на его кахетинское имение Цинандали одного из отрядов Шамиля, а «Путешествие в Арзрум», в котором Пушкин описал свое пребывание в Грузии, было опубликовано в 1836 году, когда участники «антиправительственного заговора» 1832 года, в том числе лучшие представители грузинской литературы и общественной мысли, были осуждены властями и отбывали наказание. Поэтому опальный Пушкин не мог упомянуть их, а тем более поведать о своих связях с «государственными преступниками», ограничившись намеками на «любезное и веселое общество».

Но и тут возникает вопрос: а знали ли Пушкин, что А.Чавчавадзе в 1834 году был вызван императором Николаем из ссылки в Тамбове в Петербург, где император пригласил ко двору, обладал его и позволил вернуться в Тифлис? И если знал, то какой смысл в фигуре умолчания по поводу возможных встреч с семей-

Неизвестный художник. Александр Чавчавадзе

ством Чавчавадзе, тем более состоявшихся задолго до событий заговора 1832 г., по которым А.Чавчавадзе и был отправлен в ссылку в Тамбов?

А вот брат Пушкина, Лев Сергеевич, бывал в Цинандали, был знаком с вдовой Грибоедова, о чем сообщается в письме его отца, Сергея Львовича, от 9 июля 1835 г.: «Лев... по-прежнему восторгается Тифлисом и Кавказом, называя этот край земным раем. Объехал Леон всю Грузию и провел 15 дней в деревне у вдовы несчастного Грибоедова, да, смешно сказать, железное сердце храброго капитана не осталось чуждо поэзии: Леон нам пишет, что считает эти 15 дней самыми счастливыми днями своей жизни, очарован умом и любезностью жены своего покойного друга; и опять туда поедет...»

Что же касается грузинских ро-

34 Скабичевский А.М. Александр Грибоедов. Его жизнь и литературная деятельность

мантиков, то еще И.Е.Ениколопов в 1938 году высказал предположение о том, что Пушкин мог встречаться в Тифлисе с Григолом и Александром Орбелиани, Г.Эристави, состоявшем на службе у Стрекалова^[35]. Однако все это не подтверждено по сей день.

Сам Пушкин писал, что, направляясь в Арзрум, он задержался (с 27 мая по 10 июня) в столице Грузии: «В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель «Тифлиских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А.П.Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность...». «...на другой день [по приезде] отправился в славные тифлиские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегороджали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах. При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин... Персиянин ввел меня в бани: горячий, железо-серный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ни-

чего роскошнее тифлиских бань...» Известно, что Пушкин был приглашен на обед к генералу Стрекалову: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать...». Коллежский асессор при канцелярии Тифлиского военного генерал-губернатора свидетельствует: «В бытность Пушкина в Тифлисе, общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило особенное внимание Пушкина, который встретил в среде их некоторых из своих лицейских товарищей. Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все Великого Поэта на чужбине? Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякой жаждал беседы с ним».

Статью Новицкого в «Тифлиских Ведомостях» № 22-25 от 31 мая и 7, 14, 21 июня «Географико-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе» Пушкин заметил и использовал при создании поэмы «Тазит»^[36]. С большим интересом знакомился Пушкин с приветливым Тифлисом и часто, по словам Н.Б.Потокского, «делал прогулки по городу». Проживая у Эриванской площади, он хорошо изучил центральную часть Тифлиса.

В период между 2 и 9 июня Пушкин оказался участником забавного розыгрыша, о котором пишет чи-

36 Комарович В. Вторая кавказская поэма Пушкина // П. Временник. Т. 6. С. 213.

35 Ениколопов И.Е. Пушкин на Кавказе. Тбилиси., 1938. С.81-82.

Г.Г. Гагарин. Тифлис. Майдан

новник канцелярии военного губернатора Н.Н.Геслинг. Он вспоминал, что вызвал в Тифлис городничего г. Душета Р.С.Ягулова, не хотевшего пустить Пушкина на ночлег. Местная молодежь очень забавлялась, всячески укоряя городничего. Пушкин больше всех веселился^[37].

В воспоминаниях Н.Н.Геслинга отражена другая версия этого события. Он вспоминал, как Пушкин по приезде в Тифлис со смехом рассказывал ему, правителю канцелярии военного губернатора, о приеме его душетским городничим: Ягулов не захотел оставить поэта в доме и грубо «выставил» его за дверь^[38].

8 июня Тифлисскому военному

губернатору С.С.Стрекалову было отправлено предписание генерал-фельдмаршала графа И.Ф.Паскевича-Эриванского за № 194, разрешающее Пушкину прибыть в действующую армию и находиться при ней; разрешение Паскевича было доставлено в Тифлис вместе с запиской Н.Н.Раевского-младшего^[39]. 9 июня, в воскресенье, Пушкин получил в канцелярии губернатора С.С.Стрекалова эту записку вместе с извещением о том, что ему позволено ехать в армию, в Карс (записка

37 «Русская Старина» 1892. № 7. С. 27.

38 «Русская Старина». 1892. № 7. С. 25-27.

39 Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А.С. Пушкине / Предисл. С.Сухонина. СПб., 1906. С. 97; «Русская старина». 1888. Январь. С. 147.

Г.Г. Гагарин. Паломничество женщин к Петхаинской (Вифлеемской) церкви. Тифлис. 1847

не сохранилась)^[40].

В понедельник, 10 июня, Пушкин после двухнедельного ожидания в Тифлисе выехал в Армению. Весь день он ехал по территории Грузии, минуя деревни Телети, Коды, Б. Шулаверы; ночевал на Самисском казачьем посту на реке Шулаверчай^[41].

1 августа после полуторамесячного пребывания на театре военных действий Пушкин возвратился в

Тифлис^[42].

Он остановился у своего лицейского приятеля Владимира Вольховского^[43]. Вольховский, к тому моменту полковник, служил обер-квартирмейстером Отдельного кавказского корпуса. Он занимал квартиру в здании комендантского управления, на месте которого сегодня на пр. Руставели располагается здание

42 Левкович Л. Пушкин. Дневники. Записки. СПб., Наука, 1995. С. 15.

43 О В.Вольховском подробнее: Шадури В. С. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Д. Вольховском – Тбилиси, 1979.

40 «Русская Старина». 1880. Январь. С. 147; Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. V. С. 44-187. С. 189.

41 Ениколопов И.Е. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975. с. 149.

кинотеатра «Руставели». Старые лицейские друзья имели множество тем для совместных бесед, и думается, Пушкин делился впечатлениями обо всем увиденном в армии. Но кроме общения с другом, Пушкин испытывает на себе грузинское гостеприимство. И верхом этого гостеприимства становится праздник в знаменитых Ортачальских садах, о деталях которого мы знаем из записок Савостьянова: «Наконец, все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник», который организаторы задумали провести в «европейско-восточном стиле».

Вот как это выглядело в описании К.И.Савостьянова: «Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышался вензель с именем виновника праздника... Едва показался Пушкин, как все бросились привет-

ствовать его громким «ура» с выражением привета... Все веселились от души, смеялись, и одушевление всех было общее... Пушкин в этот вечер был в апотеозе душевного веселья; никогда и никто его не видел в таком счастливым расположении духа; он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем как обычно он бывал более молчалив и мрачен... Наконец, когда поднялся заздравный кубок шипучего Аи, все общество снова слилось в одно чувство – живое, пламенное, восторженное чувство... Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражал ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его, благодаря его от лица просвещенных современников и будущего потомства за бессмертные творения, которыми он украсил русскую литературу. На все эти приветствия Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он был тогда проникнут... Он от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими объятиями и задушевно благодарил за эти незабвенные для него приветствия».

В «Путешествии в Арзрум» от этого второго пребывания в Тифлисе осталось две строки: «В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских».

В первых числах августа Пушкин

Неизвестный художник. В.Д. Вольховский. 1830-е гг.

завершает свой дневник. Последняя дневниковая запись кавказского путешествия начинается словами: «Мы ехали из Арзрума в Тифлис», ниже которой записан так называемый «План поэмы о русской девушке и черкесе»^[44]. Пушкинская кавказская одиссея завершается.

Впечатления, полученные в Грузии, найдут свое творческое воплощение во многих произведениях Пушкина. Корпус русской лирики обогатится различными шедеврами.

Следы «грузинских впечатлений» обнаруживаются в «Истории Петра», где Пушкин поведал о первом «начальнике пушкарского приказа»^[45] генерал-фельдцейхмейстере Александре Багратиони – сыне имеретинского царя и поэта Арчила II, вынужденного переселиться в XVII веке в Россию. Особенно часто упоминает Пушкин о военном союзе Петра I и Вахтанга VI – выдающегося государственного деятеля и поэта, впоследствии также эмигрировавшего в Россию.

44 Левкович Л. Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина // Врем. ПК. Вып. 20. С. 153–163. С. 250.

45 В эпоху Петра I так именовался командующий артиллерией.

«—ЧТО ВЫ ВЕЗЕТЕ? — ГРИБОЕДА»

О знаменитом эпизоде встречи Пушкиным тела Грибоедова известно по описанию этого эпизода в «Путешествии в Арзрум». Впервые этот текст был опубликован в 1-м томе журнала «Современник» за 1836 год. Вот как выглядел весь этот фрагмент:

«Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извиляется около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстились зланные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склону горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был уже другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в

стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис»^[46].

Этот эпизод вызывает давние споры в научном сообществе. Известный исследователь К.Пиксанов в «Летописи жизни и творчества А.С.Грибоедова»^[47] датирует эту встречу 11 июнем, указывая место «в горах около Гергер»^[48]. Другие

46 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Репринтное издание 1949. Т. VIII, кн. 1. — М.: Воскресение, 1995. — С. 460.

47 Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова, 1791–1829 / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. А.Л.Гришунин; Примеч. П.С.Краснова. — М.: Наследие, 2000. — 239 с.

48 Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С.Грибоедова, 1791 – 1829 / Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького;

И. Крамской. Портрет А.С. Грибоедова. 1875 год

исследователи считали, что встреча произошла 1 мая. Однако совершенно точно известно, что 1 мая Пушкин находился не на Кавказе, а в Москве, откуда ночью с 1 на 2 мая и выехал в свое путешествие на Кавказ^[49]. А вот если обратиться к «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина», вышедшей в 1999 году^[50], то об этом эпизоде, как о реально имевшем ме-

Отв. ред. А.Л.Гришунин. — М.: Наследие, 2000. — С. 149.

49 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Т. 3. 1829 – 1832. — М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. — С. 49–49.

50 Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина в 4-х томах. Т.3. 1829–1832. Сост. Тархова Н.А. — Изд-во «Слово/Slovo!» — Пушкинская комиссия РАН. — 1999, 624 с.

М.С. Сарьян. Встреча А.С. Пушкина с телом А.С. Грибоедова в горах Армении в 1829 г.

сто, в ней вообще не упоминается. При этом большой интерес вызвала версия главного научного сотрудника ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) С.А.Фомичева, изложенная в книге «Пушкинская перспектива» в главе под названием «Грибоедовский эпизод в „Путешествии в Арзрум“»^[51]. В этой работе путем детального анализа историко-архивного материала доказывается, что подобной встречи в реальности не было, а эпизод в «Путешествии в Арзрум» — позднейшая художественная новелла, вставленная Пушкиным в свой очерк.

Рассуждая о пребывании Пушкина в Грузии, нельзя обойти этот во-

прос. Так что же говорят документы и факты?

Тело Грибоедова в Гергерах оказалось 1 мая — это документально установленный факт. Тогда сам собой напрашивается вопрос, почему Пушкин пишет, что встретил тело Грибоедова в Гергерах после отъезда из Тифлиса, то есть не раньше 10 июня? Еще в XIX столетии те, кто хорошо знал географию Кавказа, в особенности Южного Кавказа, указывали на географические неточности Пушкина: на перевал Безобдал можно попасть, только минув Гергеры, в то время как Пушкин пишет, что сначала он оказался в Гергерах, а потом на перевале.

Еще интереснее обстоит дело с хронологией у Пушкина, на что в свое время обратил внимание

51 Фомичев С.А. Пушкинская перспектива — М.: Знак, 2007, с. — 440-455.

Н.Эйдельман, выстроивший события поездки Пушкина из Тифлиса на театр военных действий в такой последовательности: 10 июня 1830 года. Выезд из Тифлиса. 11 июня. Волчьи ворота. Гергеры. Встреча с телом Грибоедова. Перевал через Безобдальский хребет. Перники. Ночлег в Гумрах. По мысли Н.Эйдельмана, перестановка географических пунктов при описании встречи с телом Грибоедова позволяет предположить, что эпизод встречи Пушкина с арбой и телом Грибоедова был записан позже^[52].

Далее. Известно, что 3 мая 1830 года гроб с телом Грибоедова был доставлен из Персии в Нахичевань. Об этом пишет в XIX в. кавказовед В.А.Потто, ссылаясь на документы: «Духовенство облачилось в ризы; весь город, от мала до велика, вышел навстречу Грибоедову и сопровождал гроб, несомый офицерами на руках, до самой площади, где стояла армянская церковь. Около храма густые толпы народа теснились всю ночь.

3 мая похоронное шествие направлялось из города... Народ провожал покойного до второго источника по Эриванской дороге. Здесь отслужена была последняя лития, гроб сняли с колесницы и повезли дальше уже на простой грузинской арбе, так как горная дорога не допускала

торжественного шествия. Поручик Макаров с несколькими солдатами Тифлисского полка назначен был сопровождать гроб до Тифлиса»^[53]. А у Пушкина гроб везут на арбе и сопровождают тело два грузина. В итоговой версии текста «Путешествия в Арзрум» Пушкин сначала написал, что гроб везли «четыре вола», потом исправил: «два вола».

Интересно привести официальный документ — донесение генерального консула России в Табризе А.К.Амбургера, который писал Паскевичу 4 мая 1829 года:

«1 мая, которое всегда приносит с собою радость и веселие, было для нас днем грусти и печали. В этот день наконец тело покойного нашего полномочного министра в Персии было перевезено через Аракс. Генерал-майор Мерлини, полковник Эксанхан и многие чиновники поехали на встречу оного; вперед был послан из Аббас-Абади священник, один батальон Тифлисского пехотного полка с двумя полевыми орудиями, как и здесь приготовленный балдахин.

Когда мы встретили тело, батальон выстроился в два ряда. Гроб, содержащий бранные останки покойного Грибоедова, находился в тахтиреване, сопровождаемом 50-ю конными, под начальством Кеиб-Али-султана, который остановился посередине. Когда вынули гроб из тахтиревана и уверились, сколько возможно, что он содержит тело покойного министра, отдали ему воин-

52 Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). — М., 1990. — С. 68.

53 Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. — Ставрополь, 1993. — С. 504.

скую честь и отпели вечную память, после чего положили его в *гроб, здесь приготовленный*, и поставили на *дроги под балдахин*. Скомандовали «на погребение» — и тихо и величественно началось траурное шествие при звуках печальной музыки.

Дроги, везомые шестью лошадьми, накрытыми траурными попонами, и ведомые людьми в траурных мантиях и шляпах, которых было, кроме сих, 12 человек, шедших с факелами по обе стороны гроба, балдахин, хорошо убранный, — все это произвело на всех сильное впечатление, даже на персиян.

Кроме священника русского, выехало навстречу покойному все духовенство армянское под начальством архиерея Парсека, что еще более придавало величия печальному шествию. Таким образом, достигли Аланджичая, где назначен был ночлег.

2 мая шествие продолжалось. Когда начинали приближаться к городу, то вышли навстречу генерал-майор Мерлини, полковник Эксан-хан, подполковник Аргутинский, майор Носков, я и переводчик Ваценко и все военные и статские чиновники, которые находились в Нахичевани, и все уже следовали за гробом до церкви. Здесь офицеры сняли гроб с дрог и внесли в церковь, откуда по отслужении панихиды и отпелу вечной памяти все удалились.

Народу было неимоверное множество; мужчины, женщины и дети — все, кажется, принимали живейшее участие в злополучной участи покойного, и нередко слышны были между

ними громкие рыдания. Женщины до самого вечера не отходили от церкви; только надобно заметить, что это по большей части были армяне, и такое участие, конечно, делает честь сему народу.

На другое утро, 3 мая, все, которые участвовали прошедшего дня в церемонии, опять собрались в церковь, отслужили обедню, после которой архиерей армянский Парсек говорил речь; по окончании оной отслужил панихиду и отпел вечную память. Тут офицеры Тифлисского пехотного полка попеременно со всеми присутствующими вынесли гроб, пронесли оный посреди в двух рядах выстроенного войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги, и шествие опять тихо подвигалось вперед. Стечение народа было еще большее, нежели 2-го числа; трудно было верить, что Нахичевань содержит в себе такое огромное народонаселение. Все, находившиеся в церкви, генералы, штаб- и обер-офицеры провожали покойного до второго источника по живописной дороге.

Здесь сняли гроб с дрог, войско сформировало каре вокруг оно, и священник русский отслужил панихиду и отпел вечную память; после чего мы все простились с покойным, прикладываясь к кресту на гробе его. Исполнив, таким образом, последний долг и отдав последнюю честь покойному, все возвратились в город.

Приятно и трогательно было видеть живое участие, которое все принимали в несчастной кончине покойного Грибоедова, и это ясно доказывает, что кто хотя только один раз с

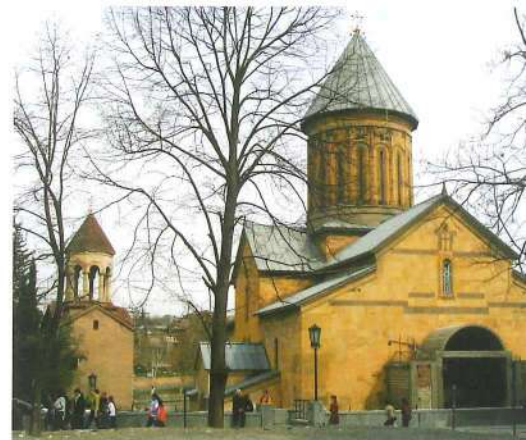
ним повстречался, уже не мог забыть его.

Долго еще толпы народа с печальными лицами стояли на высотах, окружающих город, и весьма медленно рассыпались...»^[54]

«Тифлиссские ведомости» опубликовали заметку^[55]: «Тифлис, 18-го июля. Тело покойного Российского Полномочного Министра в Персии, Статского Советника Грибоедова, привезенное из Тегерана со всеми почестями, приличными сану, в который он был облечен, по выдержании всех карантинных сроков, 17-го июля перевезено из Тифлиссского карантинна в Сионский Кафедральный Собор, где оное поставлено было на нарочно для сего изготовленный великолепный катафалк. На другой день Его Превосходительство Тифлиссский Военный Губернатор, весь Генералитет, военные и гражданские чиновники собрались в Собор. По совершении Божественной Литургии, Его Высокопреосвященство Экзарх Грузии произнес надгробное Слово, и исчислением доблестей покойника произвел тем сильнейшее впечатление, что сердца всех присутствовавших расположены уже были к глубокой печали воспоминанием о горестной потере столь отличного мужа. По окончании обычных обрядов, бранные останки Александра Сергеевича Грибоедова, в сопровождении Его Высокопреосвященства Экзарха

54 «Русская старина». 1872. — С. 200 — 202

55 Перепечатана через месяц в «Северной пчеле» 15 августа.

Тбилиси. Сионский собор

Грузии и всех присутствовавших, отнесены в монастырь Святого Давида, где преданы земле, согласно с волею, неоднократно объявленного покойником при жизни».

Официальные источники и газетная публикация, содержащая упоминание об официальных лицах, присутствовавших на церемонии погребения, рисуют совершенно иную картину перевоза тела Грибоедова с места гибели в Тифлис и само отпевание в Сионском соборе. Оба документа не содержат ничего из того, что было описано Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». Более того, сам факт сопровождения тела столь крупного государственного имперского чиновника только двумя грузинами, тела, везомого на арбе, вызывает удивление. Империя Николая I была весьма чувствительна к церемониалам, и подобное нарушение церемонии транспортировки тела чиновника, занимавшего столь

высокий пост, какой занимал Грибоедов, была исключена.

Таким образом, можно прийти к выводу, что весь грибоедовский эпизод в «Путешествии в Арзрум» оказывается вымыслом. Но тогда остается вопрос, зачем Пушкину понадобилась эта мистификация.

На этот вопрос можно отвечать по-разному, что и происходит. Однако из всех версий наиболее убедительной выглядит версия, высказанная С.А.Фомичевым: сам эпизод «был написан в качестве самостоятельного произведения, значительно раньше всего текста «Путешествия в Арзрум», а потом (в слегка доработанном виде) вставлен в рукопись путевых заметок»^[56].

«И НАЗОВЕТ МЕНЯ ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»

После 1829 года Пушкину не суждено было еще раз побывать в Грузии. По возвращению из поездки Пушкин опубликовал лирические произведения, написанные под впечатлением от поездки в Грузию. Не задолго до трагической гибели он

опубликовал «Путешествие в Арзрум». До конца своей жизни поэт не забывал Грузию. Грузия тоже хранит память о великом поэте.

В 1880 году улица в Тифлисе, на которой располагалась гостиница Матасси, где Пушкин жил в свой первый приезд в Тифлис, была названа именем Пушкина. Рядом сквер, носящий имя поэта. В сквере находится памятник Пушкину, открытый 25 мая 1892 года. Бюст поэта был изваян скульптором Феликсом Ходоровичем (архитектор Винченцо Пилек) со скульптурной модели профессора Витали, лично знакомого с Пушкиным. Памятник был создан и установлен в Тифлисе на деньги горожан – почитателей таланта поэта. «В день благословения памятника к Пушкинскому саду устремилась огромная масса людей. Люди заполнили балконы, окна, крыши близлежащих домов. Пушкинский сад был украшен знаменами. Дом, где в 1829 году в течение двух недель жил Пушкин, был украшен гирляндами цветов и флагами», – писала газета «Иверия». Тифлис стал пятым городом в империи после Москвы, Петербурга, Кишинева и Одессы, где воздвигли памятник Пушкину.

А в начале XX столетия, в 1901 году, в Тифлисе была издана книга Е.Г.Вейденбаума «Кавказские этюды. Исследования и заметки»^[57], в которой на страницах 233-260 располагался очерк «О пребывании

57 Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки – Тифлис, 1901, тип. Мартиросяна

56 Фомичев С.А. Пушкинская перспектива – М.: Знак, 2007. – С.450.

Тбилиси. Памятник А.С. Пушкину.

Пушкина на Кавказе в 1829 году». Это была одна из первых попыток научного осмысления биографических фактов, связанных с пребыванием Пушкина в Грузии.

На здании одной из серных бань города, называемой тбилисцами «Пестрая баня», в 1999 году к 200-летию юбилею Пушкина была установлена мемориальная доска, на которой приведена цитата из «Путешествия в Арзрум».

За два столетия сложилась своеобразная Пушкиниана, состоящая из высказываний о Пушкине деятелей грузинской культуры, трудов пушкинистов – представителей грузинской русистики. Все это свидетельствует о том, что интерес к Пушкину, к его творческому наследию в Грузии не угасает.

Но и Грузия неразрывно связана с именем Пушкина. Современные русские писатели, обращаясь к теме Пушкина, неожиданным образом связывают ее с Грузией. В своих относительно недавно изданных произведениях «Вычитание зайца. 1825» (1993), «Предположение жить. 1836» (1999), «Метаморфоза» (2008) русский писатель Андрей Битов обращается к образу Пушкина. Гений и массовое сознание, несоизмеримость этой антиномии – вот стержень, вокруг которого вращается повествование: в центре каждой книги один из общеизвестных, но одновременно и неразгаданных, спорных фактов из биографии Пушкина. Почему Пушкин не оказался на Сенатской площади 14 декабря 1825 года («Вычитание зайца»)? Зачем Пушкин поддавался на провокацию и погубил себя в 1836 году («Предположение жить»)? В пьесе «Вычитание зайца» таким сюжетобразующим вопросом становится загадка, почему Пушкин после посещения его в Михайловском Пушиным не уехал в Петербург, где готовилось восстание декабристов, и этим спас себя от участи своих друзей-декабристов. В «Предположении жить» в центре внимания современного автора вопрос о роковой дуэли Пушкина с Дантесом, которую А.Битов воспринимает как изначальную провокацию, на которую поддался Пушкин. И наконец «Метаморфоза», где А.Битов с чисто постмодернистским перформансом предлагает читателям свой ответ на вопрос, почему все-таки Пушкин, вместо того, что-

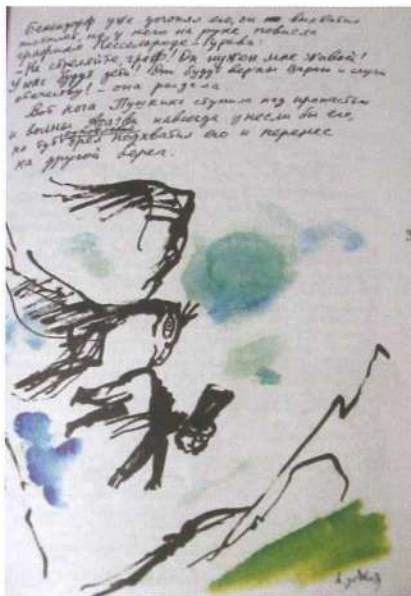

Рисунок Р.Габриадзе в книге «Метаморфоза».

В левом верхнем углу текст: «Бенкендорф уже догонял его, он выхватил пистолет, но у него на рюе повисла графиня Нессельроде-Гурова:

— Не стреляйте, граф! Он нужен мне живой! У нас будут дети! Они будут верны царю и слуги отечеству! — она рыдала. Вот нога Пушкина ступила над пропастью и волны Арагви навсегда унесли бы его, но тут одноглавый орел подхватил его и перенес на другой берег».

бы сбежать в Европу в 1829 году, поехал в Грузию. Построенные в стиле анекдота (в том смысле этого понятия, какое вкладывает в него Пушкин в «Евгении Онегине» — истории о великих людях) вопросы и из-

вестные ответы, предлагаемые современным российским писателем, не только не упрощают — углубляют причинно-следственные параллели, определившие жизненный и творческий путь Пушкина. Интерпретация Битова позволяет заглянуть «за кулисы» творческого процесса Пушкина, а также приближает к нам, живущим совсем в другое время и совсем в другой реальности, те ключевые эпизоды пушкинской биографии, которые определили экзистенциальную значимость этой биографии для всей русской литературы, сделав Пушкина не просто родоначальников, но и экзистенциальным эталоном поэта в русской культуре.

Приближение к Пушкину через имитацию его стиля и через фантастическое допущение возможностей Пушкина, осмысленных Битовым, заинтересовало Резо Габриадзе, создавшего серию рисунков к произведениям Битова.

Используя давно сложившийся в народе миф о Пушкине, авторы А.Битов и Р.Габриадзе, положили в основу своих текстов мифологический сюжет. Логика мифа о Пушкине такова, что может быть сведена к очень простой схеме: первый поэт России полюбил первую красавицу, добился ее взаимности и верности — логика мифа требует идеализации всех «участников». Далее эта «идеальная» красавица, подобно женам декабристов, всюду следует за мужем, разделяя перипетии его судьбы. Судьба же оказывается благосклонной к великому поэту, и он после многочисленных испытаний

(преследований, погонь) обретает покой и спасение в тихом семейном счастье с любимой женой и детьми за границей. Пушкин сбегает на Кавказ от всех своих врагов, в мир добра и красоты, изобилия и девственно прекрасной природы, мир, где живут добрые и отзывчивые люди. В этом замечательном краю Пушкин пишет прекрасные жизнеутверждающие произведения и обретает наконец счастье. Это счастье исполнения жизненных и творческих устремлений, подобное тому, какое обретает в финале романа булгаковский мастер в своем вечном приюте с прекрасной Маргаритой. Только с Пушкиным это происходит в реальном, а не потустороннем мире — «свет и покой» достигаются на земле.

Талант доброты и света, сквозящий во всех творениях Р.Габриадзе, позволяет ему ощущать Пушкина на уровне стиля: «Он может воскресить на кончике пера то, что другие изучают годами, а изложить не в силах. С Пушкиным Резо взаимодействует напрямую»^[58].

Постмодернистский метатекст, игра с серьезными литературоведческими мифами стали основой в пьесе «Занавес». Пьеса построена на пародийно-серьезных размышлениях о судьбах литературных авторитетов в мировой литературе.

58 Битов А. Трагедия о рыбаке и рыбке. Андрей Битов о кризисах Пушкина, теории относительности и всеобщей переписи царей // Российская газета. 5 апр. 2005

Незамысловатый сюжет вращается вокруг фантастической художественной реальности, в которой волею автора на небесах собран своеобразный «синклит» великих: Овидий и Вергилий, Петрарка и Данте, Руставели и Саади, Шекспир, Сервантес и конечно же Гете. Каждый из них в свое время создал собственную традицию в литературе, при жизни познав тяжкую участь изгнанника. В 1837 году к ним присоединяется Пушкин. Смысл этой пьесы — в попытке разгадать, как соотносятся творения Пушкина с творческим наследием гениев прошлого и гениев пушкинской эпохи. Построенная на вкраплениях из произведений Пушкина, пьеса позволяет Андрею Битову столкнуться в диалоге-соревновании Пушкина с великим англичанином, когда первый ищет свою концепцию истории («Борис Годунов» как реплика в диалоге с шекспировскими хрониками; «Домик в Коломне» как реплика к «Лукреции» Шекспира). Одновременно автор сталкивает Пушкина с гениями современности: Байроном в «Цыганах», с олимпийцем Гете, когда Пушкин, восприняв трагическую проблему «Фауста», дал собственную трактовку конца поисков идеала: пушкинский молодой, но уставший Фауст не обманут Мефистофелем, а в разочаровании сам приказывает бесу: «Все сжечь».

Смерть человека многое меняет во внутреннем мире оставшихся. В привычный строй этого мира входит то, что мы называем памятью. Память смерти — монолитна, менее

практична: объект ее житейски непостижим, и она всегда связана с любовью. Пушкин умер зимой 1837 года, сегодня на дворе 2017-й. Прошло много лет. История пополнилась многими событиями:

*Метались смущенные народы;
И высились и падали цари...*

Но авторы вновь и вновь обращаются к личности и творчеству Пушкина. Вписывают его в «небесный поэтический синклит», фантазируют о том, что все-таки удалось ему тогда, зимой 1836 года, убежать от своих гонителей, хитроумно обмануть их и вместе со своей прекрасной Натали умчаться в Грузию, в чудесную страну, где они оба жили долго и счастливо. И нет и не будет дуэли на Черной речке. Будет – счастье в любимом краю. Будет жизнь «бабочки». Почему бабочки? Потому что бабочка – символ души, бессмертия, возрождения и воскресения, способности к превращениям, к трансформации. Образ бабочки встречается в даосских притчах. Всем известен знаменитый сон философа Чжуан-цзы, который однажды во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он не мог понять: Чжуан-цзы видел во сне, что он – бабочка, или бабочке теперь снится, что она – Чжуан-цзы?

Другая история, рассказанная Чжуан-цзы, повествует о том, как молодой ученый, гоняясь за красивой бабочкой, нечаянно вторгся в частные владения отставного судьи и, увидев его дочь, был настолько заворочен ее чарами, что решил

упорно трудиться и попытаться получить ее в жены. В этом он преуспел и поднялся до высокого чина. Здесь бабочка – знак супружеского счастья.

С детства помнится это состояние обиды за Пушкина, за его смерть. Так хотелось, чтобы все сложилось иначе. Вот и великий фантазер Резо Габриадзе воплотил в своем произведении эти детские наши мечты. Вы скажете, что нет одинаковых мечтаний? В случае с Пушкиным – есть. Почему именно в случае с Пушкиным? Потому, что «Пушкин – это перекресток, ... тот перекресток, где ... все друг с другом согласны»^[59].

59 Габриадзе Р. «Пушкин – это перекресток...». Необыкновенная выставка в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»	5
«ЧЕМУ, ЧЕМУ СВИДЕТЕЛИ МЫ БЫЛИ...»	8
«...ПОЕДУ... В ЧУЖИЕ КРАЯ, ...ВЕРОЯТНЕЕ В ГРУЗИЮ»	17
«КАВКАЗ ПОДО МНОЮ...»	29
«ВОЛШЕБНЫЙ КРАЙ»	44
«– ЧТО ВЫ ВЕЗЕТЕ? – ГРИБОЕДА»	56
«И НАЗОВЕТ МЕНЯ ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»	62

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავგანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ადგილობრივი ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

ТАТЬЯНА МЕГРЕЛИШВИЛИ

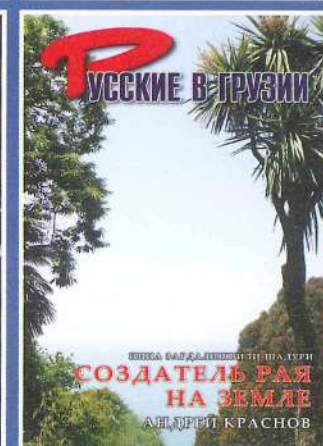
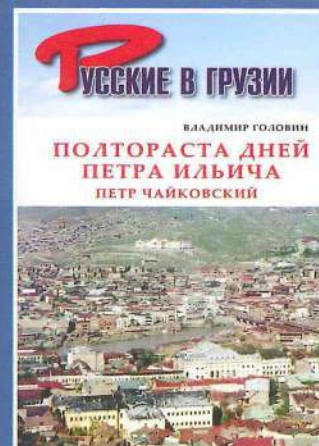
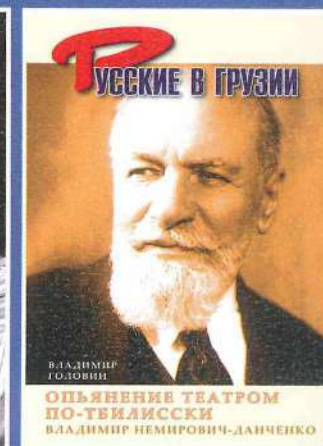
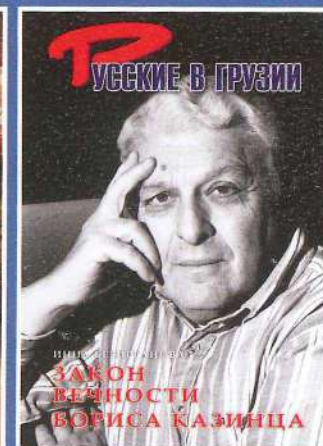
«...Я СВОРОТИЛ НА ПРЯМУЮ
ТИФЛИССКУЮ ДОРОГУ...»
АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
АЛЕНА ДЕНЯГА
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru